

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Введение

I. Задача исследования.	3
II. Происхождение северной эпической традиции.	10

Былинное творчество северных крестьян

III. Развитие и варьирование образа.	34
---	----

(следующие файлы будут добавлены позже, приносим свои извинения за возможные неудобства)

IV. Перестройка композиции.	94
V. Образование новых былин.	136
VI. Былинное сказительство и книга.	281
VII. Областные эпические традиции.	333
VIII. Судьбы эпоса после Октября.	370

ВВЕДЕНИЕ

I. Задача исследования

1.

Основная направленность всей обширной литературы досоветского периода о былинном эпосе заключалась в стремлении разрешить кардинальные генетические проблемы – происхождения эпоса в целом и возникновения и развития былинных сюжетов и мотивов. Дальнейшая же история эпической поэзии, после того как основной процесс формирования эпоса был закончен, мало интересовала исследователей. Правда, собиратели много внимания уделяли бытованию былин в районах своей собирательской работы, но их наблюдения были направлены преимущественно на освещение вопроса о степени сохранности былинной традиции и на выяснение условий, при которых она продолжает сохраняться. Те же процессы, которые совершались внутри самого эпоса в позднейшие периоды его бытования, оставались в тени. Больше того, каждый новый записанный вариант вызывал к себе интерес лишь постольку, поскольку он заключал какие-либо новые существенные моменты, помогавшие установить древнейшую основу былинны. Проблема варианта, как проявления живой творческой струи, как выражения непрекращающегося творческого развития эпоса, не ставилась вовсе.

В этом отношении характерно то определение Вс. Миллером значения варианта, которое он дает в своем предисловии к сборнику «Былины новой и недавней записи» (М., 1908 г, стр. III).

3

Указав вначале на случаи «искажения» в публикуемых текстах, он пишет: «Однако такие случаи искажения не лишают былин, записанных вдали от нашего северного былинного района, интереса в глазах исследователей. При краткости и испорченности некоторые былины иногда содержат черты старины, важные для уяснения истории того или другого былинного сюжета». И хотя в последующем изложении Вс. Миллер и отмечает возможность для исследователя путем сличения вариантов «делать интересные наблюдения над судьбою старинных былин в народных устах, входить в область народной психологии», но из дальнейших примеров ясно, что под этой «судьбой былинны в народных устах» Вс. Миллер разумел лишь историю бытования сюжета.

Подобное отношение к варианту сказалось, прежде всего, на характере и направлении самой собирательской работы. В центре внимания собирателей были «былинный инвентарь» данного района и состояние в этом районе былинной традиции. «Какие былины на Печоре сохранились? В каком виде они сохранились?» - Вот те два вопроса, которые поставлены былиной, когда я приступал к записыванию печорских былин», – пишет Н. Е. Ончуков.¹ Поэтому он старался, прежде всего «переписать по содержанию все обращающиеся на Печоре былины». Он далеко не исчерпывал всего репертуара, иногда даже лучших сказителей, и пропускал порой наиболее художественные тексты только потому, что сюжет их уже был записан, и никаких новых штрихов для изучения его данный вариант, по представлению собирателя, не содержал.² А. В. Марков также стремился охватить, главным образом, весь репертуар своего района, в большем же количестве вариантов представить преимущественно лишь редкие былины или в литературе еще неизвестные (опять-таки имея в виду ту же основную задачу – выяснение генезиса данного сюжета)³. Те же цели преследовал и третий крупный собиратель начала XX в. А. Д. Григорьев.

Даже известный тезис А. Ф. Гильфердинга о «личной стихии», вносимой в эпос

¹ «Печорские былины», СПб, 1904, стр. XXXIV.

² «Печорские былины», стр. XXXIV–XXXV.

³ А. В. Марков, Беломорские былины, М. 1901, стр. 23.

отдельными певцами, основанный на собственных впечатлениях собирателя и на наблюдениях его предшественника П. Н. Рыбникова и нашедший подкрепление в аналогичных наблюдениях В. В. Радлова в области эпического

4

творчества сибирских народов, мало изменил указанное положение с изучением былинного эпоса: он не вызвал в дооктябрьской науке о русской былине каких-либо значительных специальных работ, посвященных разработке поднятого вопроса на конкретном материале.

Учение Рыбникова, Гильфердинга и Радлова об индивидуальном моменте в былинном сказительстве сказалось очень определенно лишь на собирании, где совершенно обязательными стали не только фиксация основных биографических сведений о сказителе, но и наблюдения над личностью его. Сказалось оно и на издательской практике, сделав традиционной публикацию материала по исполнителям с предисланием их биографий и характеристик. Таким образом, вслед за принципиальной постановкой вопроса был подготовлен уже некоторый материал для последующих изучений. Но в области научного исследования самого эпического материала в свете проблемы личного творчества было написано лишь несколько отдельных этюдов. Они были посвящены разработке частных тем и не ставили пока еще общей задачи изучения творческих процессов в позднейший период бытования эпоса.¹

Только в советское время эта проблема заняла, наконец, видное место в изучении эпоса. Советская эпоха внесла много нового вообще в понимание фольклорных явлений, поставив на первый план изучение современных живых процессов, а не явлений архаических. Отказ от трактования фольклора как реликта, понятие социальной функции, вопрос о классовой дифференциации в фольклоре привели и к новому пониманию вариативности фольклорных произведений. Вариант становится интересным и значительным не только как одно из звеньев, необходимых для уяснения основ сюжета, но и как проявление живой творческой энергии народных масс. Отсюда задача изучить все многообразные проявления этой вариативности, с целью уяснения определенных закономерностей в фольклорно-творческом процессе.

Это течение в советской фольклористике прослеживается как в собирательской работе, так и в исследовательской, внутренне всегда между собой связанных. В первой мы видим, с одной стороны, стремление к повторным записям на местах прежних работ, ярко сказавшееся в осуществлении таких

5

экспедиций, как бр. Б. М. и Ю. М. Соколовых 1926–1928 гг. «По следам Рыбникова и Гильфердинга»,¹ как мои поездки 1927–1932 гг. на места работ А. Д. Григорьева и Н. Е. Ончукова,² как экспедиция Карело-финского университета на Печору в 1942 г. – «через сорок лет после Ончукова и через пятнадцать после Астаховой по их следам»³ и др.; с другой стороны, мы имеем опыты исчерпывающей записи былинных репертуаров

¹ Такова, например, статья Н. В. Васильева «Из наблюдений над отражением личности сказителя в былинах», Изв. Отд. русск. яз. и слов. Академии Наук, СПб, 1907, кн. 2, стр. 170–196.

¹ Задачей экспедиции бр. Соколовых было собрать былинный материал в местах, где в 1860–1870-х годах производили записи П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг, от преемников прежних сказителей. См. В. et J. Sokolov. A la recherche des bylincs (Revue des etudes slaves, t. XII, Paris, 1932, p. 202–215); Ю. М. Соколов. По следам Рыбникова и Гильфердинга («Художественный фольклор», II–III, М. 1927).

² «Былины Севера», т. I, М.-Л. 1938.

³ В. Г. Базанов, Поэзия Печоры, Комизгиз, 1943.

крупнейших мастеров былинного сказительства - М. С. Крюковой,⁴ А. М. Пашковой,⁵ И. Т. Фофанова⁶ и др.

В том же направлении развивается и исследовательская мысль. Такие работы, как статья С. И. Абакумова «Насколько прочен текст былин»,⁷ представляющая попытку установить закономерности в изменениях текста при его устной передаче, монография В. И. Чичерова «Школы сказителей Заонежья», защищенная автором в 1941 г. в качестве кандидатской диссертации,⁸ очерки и монографии, посвященные былинному творчеству отдельных мастеров, – вводная статья Р. С. Липец в сборнике «Былины М. С. Крюковой», т. I, А. М. Астаховой «Беломорская сказительница М. С. Крюкова»,⁹ Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова «Сказители Пудожского края»,¹⁰ А. М. Линевского

6

«Сказитель Ф. А. Конашков»,¹ В. Г. Базанова «П. И. Рябинин-Андреев и его предки»,² А. М. Астаховой «Иван Герасимович Рябинин-Андреев и прионежская былинная традиция»,³ ее же «Былинное творчество северных крестьян»⁴ – освещают многие характерные явления в позднейшем былинном творчестве. Не все из названных работ уже увидели свет, некоторые находятся еще в производстве или только подготовлены к печати. Но для нас важно отметить тот уже значительный по сравнению с прошлым размах, который получает исследование творческих процессов в былинном сказительстве XIX–XX вв. в наше время.⁵

В том же ряду стоит и настоящая работа. Она представляет опыт суммирования наблюдений над былинным творчеством позднейшей эпохи, произведенных на материале всех основных былинных гнезд Севера и охватывающих главнейшие творческие процессы в былинном сказительстве. Поставленная мною задача могла быть осуществлена только сейчас, в результате больших собирательских работ, проведенных советскими фольклористами в 20-е и 30-е годы нашей эпохи.

⁴ «Былины М. С. Крюковой». Записали и комментировали Э. Бородин и Р. Липец. Под ред. акад. Ю. Соколова. Изд. Гос. Литер. музея, т. I, М, 1939. т. II, М, 1941.

⁵ Записи производились в 1938–1941 гг. сотрудниками Карело-финского научно-исследовательского института культуры и студентами Карело-финского университета; часть их помещена в сборнике «Былины Пудожского края», подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова, предисловие и редакция А. М. Астаховой, Петрозаводск, 1941, №№ 1–16.

⁶ Запись былин от И. Т. Фофанова произведена в 1938–1941 гг. сотрудниками Карело-финск. научно-исслед. ин-та культуры. Часть былин помещена в сборнике «Былины Пудожского края», №№ 17–30.

⁷ «Новое дело». Научно-педагогический вестник раб. факультета Каз. гос. университета, книга III, Казань, 1922.

⁸ Работа В. И. Чичерова основана на изучении материалов упомянутой выше экспедиции бр. Соколовых, в которой автор сам принимал участие.

⁹ «Советский фольклор», Изд. Акад. Наук СССР, М.–Л., № 6.

¹⁰ В сборнике «Былины Пудожского края».

¹ Подготовлено к печати.

² Вводная статья в сборнике «Былины П. И. Рябинина-Андреева», Петрозаводск, 1940.

³ Вводная статья в сборнике «Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева», Государств. издательство К-ФССР, 1948 г.

⁴ «Былины Севера», т. I, М.–Л., 1938, стр. 7–105.

⁵ Аналогичной тенденцией характеризуется в наше время и изучение сказки. См. сборники, посвященные творчеству отдельных крупных мастеров сказки: А. Н. Нечаев, Сказки Карельского Беломорья, Петрозаводск, т. I, 1938, т. II, 1939 (Сказки М. М. Коргуева); Сказки Ф. П. Господарева. Запись текста, вступительная статья и примечания Н. В. Новикова. Общая редакция и предисл. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1941, 662 стр.; Сказки И. Ф. Ковалева, записали и комментировали Э. Гофман и С. Минц. Под ред. Ю. М. Соколова. М. 1941, 359 стр., и ряд других.

2.

Одним из крупнейших заблуждений старой науки о русском эпосе было восприятие явлений, происходивших в нем в позднейший период его жизни, как процесса «последовательного искажения».

«Современные былины, – писал Вс. Миллер, – представляют, говоря вообще, плод последовательного *искажения* древних былин. Благодаря условиям, представляемым населением Олонецкой губернии, былевой эпос только что сохранился

7

в своих главных чертах, и это уже великая заслуга онежских сказителей перед русским народом и наукой. Но он *не развивался* на этой неудобной для него почве, а последовательно гложился и вырождался». ¹ Основными доказательствами данного факта Вс. Миллер считал то, что олонецкие сказители «не прикрепили ни одного богатыря к своей почве», «не создали новых былевых сюжетов», ² что отдельные попытки распевать в виде былин сказки оканчивались неудачей, ³ что явные нелепицы, спетые сказителями, объяснялись ими священной традицией («так поется») ⁴ и т. п.

Это представление находилось в тесной связи с пониманием древнейших основ эпических сюжетов, как исторического предания, обязательно связанного с частными конкретными историческими фактами и с определенными историческими лицами. Все, что якобы затемняло эти основы, стирало четкость конкретных исторических отображений, и мыслилось, как «искажение». Такой подход к эпосу был характерен для господствующей в конце XIX в. в области былины «исторической школы», возглавлявшейся Вс. Миллером. Поэтому, даже в тех случаях, когда Вс. Миллер или его ученики в конкретных исследованиях вскрывали в эпосе весьма существенные элементы, принадлежащие народному творчеству в более поздние периоды, они не видели в отмеченных ими изменениях органических моментов, сообщающих былине новое качество, а лишь определенные социальные «пласты», нанесенные на древнейшую основу. ⁵

Эта точка зрения находила свое идейное обоснование в господствовавшей теории буржуазных социологов о зарождении

8

былин в «высших слоях» – княжеско-дружинной и торгово-буржуазной среде. ¹ По этой теории крестьянство лишь в позднейшее время, не ранее чем в XVI–XVII вв., и через посредствующие звенья, главным образом, через профессиональных певцов-

¹ Вс. Миллер, Очерки русской народной словесности, т. I, М. 1897, стр. 18. Курсив принадлежит самому Вс. Миллеру.

² Создание местной былины о Рахте Рагнозерском (Гильф., I, № 11) Вс. Миллер считал «единичной неудачной попыткой представить в форме былины местное предание о силаче» (Очерки, I, стр. 19).

³ Вс. Миллер приводит замечание А. Ф. Гильфердинга о сказителе Андрее Сорокине: «Он пробовал распевать в виде былин сказки, которые рассказываются «словами» (т. е. прозаической речью), но это ему не удалось: видя, что дело не ладится, он бросил эту мысль» (Очерки, I, стр. 19).

⁴ «Обыкновенно же, хотя бы указана была в былине явная нелепица, сказитель отвечал «Так поется», а про что раз сказано, что так поется, то снято; тут, значит, рассуждать нечего» (там же).

⁵ Это мы видим, например, в работе Вс. Миллера, посвященной анализу былин и сказок об Илье Муромце, где дан ценнейший материал по вопросу о развитии образа популярного богатыря (Очерки, I, стр. 362–413; II, стр. 87–168).

¹ Наиболее четкое и развернутое выражение она нашла в «Курсе истории русской литературы» В. А. Келтуялы (ч. I. кн. II, М., 1911) и в статье Вс. Миллера 1912 г. «Очерки истории русского былинного эпоса» (Очерки русской народной словесности, т. III, М.–Л. 1924). См. изложение этой концепции в главе II-й настоящей книги.

скоморохов, начинает усваивать эпическое наследие. Как среда, которой содержание эпоса было далеко не только хронологически, но и «социально», оно могло лишь сохранять былину, а, сохраняя, искажало, шаблонизировало и постепенно изживало. Это положение особенно четко сформулировал Б. М. Соколов, вполне солидаризировавшийся с Вс. Миллером по вопросу о роли крестьян-сказителей. Вслед за Вс. Миллером Б. М. Соколов утверждал, что «на долю крестьянства едва ли придется сложение, хотя одного былинного сюжета». «Не так сильно сказались», по его словам, на былинах «и творческая переработка и приспособление к новой социальной среде старых сюжетов». С другой стороны, он отмечал, что как раз «на долю крестьянского периода в жизни былины нужно отнести большинство исторических искажений, анахронизмов, народных этимологий и других проявлений «перевирания» былин, что так свойственно среде, социально и хронологически отдаленной от воспеваемых былиною исторических событий».²

К собирательской работе по северной былине я приступила, предполагая, что придется иметь дело всецело с угасающей эпической традицией. Первые впечатления, полученные преимущественно в местах, где традиция, повидимому, никогда не была особенно сильной, подкрепили это первоначальное предположение, и внимание мое было направлено на изучение процессов распада в северной былине.³ В дальнейшем, однако, несмотря на действительные признаки сужения и некоторого упадка старинного эпического мастерства, мне все же стало ясно, что былину и в XIX и XX вв. нельзя рассматривать только как архаику, что в былинном сказительстве этого времени

9

бьется живой пульс, что для самих северных хранителей эпоса былины это живое искусство, источник больших художественных эмоций, и что в жизни эпоса несомненны какие-то живые процессы творческого порядка. Это привело к аналитической работе над многочисленными вариантами былинных сюжетов, к расширению наблюдений над бытованием эпоса и над личностью сказителей с целью вскрытия и освещения этих процессов. Анализ показал, что далеко не всегда в отступлениях от «основ» и в различных изменениях мы имеем лишь чисто мнемонические явления, ошибки памяти, оговорки; что в этих изменениях, вариациях, перестройках часто заключены моменты творческие, органически связанные с общим идейным и художественным смыслом произведения, с его внутренним пафосом, в соответствии с личным восприятием и осмыслением сюжета сказителем и окружающей средой.

В результате явились отдельные этюды и очерки, в которых тезису «последовательного искажения» эпоса в позднейший период противопоставляется положение о творческой его жизни. И, наконец, была задумана настоящая работа, задача которой – подвести итоги многолетним наблюдениям и изучениям и дать общую картину творческой жизни эпоса на Севере. В соответствии с этой задачей я не стремилась в данном исследовании вскрыть все процессы, характерные для позднейшего этапа жизни эпоса. Внимание сосредоточено лишь на самых основных, на тех, в которых, с моей точки зрения, по преимуществу и проявились действующие в былинном эпосе на позднем этапе живые творческие импульсы.

² Б. М. Соколов, Русский фольклор, 2-е издание, 1931 г., стр. 32–33. Следует отметить, что Б. М. Соколов как раз постоянно подчеркивал в народной поэзии действие живых творческих сил, однако по отношению к былине он всецело примкнул к тезису Вс. Миллера об «искажении», разделяя взгляд на аристократическое происхождение былин.

³ См. статью «Былина в Заонежье» в сборнике «Крестьянское искусство СССР», вып. I, Л., 1927.

II. Происхождение северной эпической традиции

1.

Когда мы говорим о русском эпосе в «позднейший» период его жизни, в нашем представлении встает русская былина в том виде, в каком мы знаем ее по сборникам Рыбникова, Гильфердинга, Григорьева, Маркова, Ончукова, и та картина бытования ее, какая нам известна по сообщениям этих же собирателей.

Известно, что когда с середины XIX в. началось интенсивное собирание былин, в наибольшем количестве вариантов они

10

были найдены именно в пределах русского Севера, в районах, ныне входящих в области Архангельскую и Вологодскую и в Карело-Финскую ССР (бывш. Олонецкий край и бывш. Архангельская губ.).

В 1890-х годах А. М. Лобода, подведя итоги собиранию былин в XVIII и XIX вв. и рассмотрев вопрос о географическом распространении былин, дал сравнительную таблицу количества вариантов, собранных в разных местах. Вот эта таблица:¹

Олонецкий край ²около	300
Архангельская губ.....	36
Сибирь.....	27
Пермский край и Приуралье (где собраны песни Киршевского сборника).....	26
Сибирская губ.....	22
Урал, Оренбургская и Уфимская губ.....	13
Нижегородская губ.....	7
Московская губ.....	6
Саратовская губ. (не считая сборника Костомарова и Мордовцевой).....	4
Предкавказье и Кавказ.....	4
С.-Петербургская губ.....	4
Губернии: Вологодская, Новгородская, Орловская, Самарская, Тульская.....по	2
Губернии: Воронежская, Владимирская, Калужская, Область Войска Донского, Рязанская губ.....по	1

¹ А. М. Лобода, Русский богатырский эпос. Киев, 1896, стр. 89–90 А. М. Лобода учитывает в данной таблице только богатырские былины (т. е. героические и новеллистические), оставляя в стороне балладные («княжеские» – по терминологии Бессонова или «низшие эпические» – по терминологии Соболевского), а также и те, «которые возникли на основе Соломоновой легенды или приближаются к духовным стихам».

² Не считая записанных Рыбниковым, так как почти со всеми сказителями Рыбникова имел дело и Гильфердинг (Примечание А. М. Лободы).

Таблица основана на сборниках Гильфердинга, Киреевского и Кирши Данилова. Уже после выхода в свет книги А. М. Лободы были сделаны новые крупные открытия в бывш. Архангельской губ. – на Пинеге, Мезени, Печоре и в Поморье. Сборники Григорьева, Маркова и Ончукова увеличили былинный инвентарь Архангельской губ. на 471 номер, включая все

разновидности былинного жанра, из которых чисто богатырских былин 288.¹

11

В 1890–1900-е годы продолжается запись былин и в Олонецком крае (Шахматов, Истомина, Барсов, Ляцкий, Шайжин, Лесков и др.), и за указанный период здесь обнаружено еще около 70 вариантов. В то же время в других районах записывались лишь единичные тексты.²

То же повторяется и в последующее время

Новое обращение советских собирателей к районам Севера в 1920–1930-е годы дает снова сотни новых записей, в то время как в Сибири, в Поволжье и на юге они исчисляются единицами.

Но не только в количественном отношении Северный край так выделяется среди всех районов, где был обнаружен былинный эпос. Тексты, записанные в других районах, дают повествование незаконченное или отрывочное, часто в прозаической форме. Они не могут выдержать никакого сравнения с целостным и пышно и разнообразно разработанным стихотворным повествованием северной былины.³ В некоторых районах – на Дону, в Оренбургском крае и на Северном Кавказе (у казаков) – былина испытала, кроме того, коренное переоформление: она лишилась своей эпичности, превратилась в отдельные фрагменты древних сюжетов и ассимилировалась, как по словесной своей форме, так и по характеру исполнения, с поздней исторической песнью. Вот почему, когда мы говорим о позднейшем периоде развития эпоса, мы отождествляем это понятие с представлением о бытовании былин на Севере и мыслим этот позднейший период как северный этап в истории эпоса. Под ним мы разумеем то именно время, когда русская эпическая поэзия, в основном сложившаяся в старых русских областях, Киевской и Новгородской, а затем Суздальской и Московской, проникает

12

на русский Север и сосредоточивается в руках непрофессиональных певцов-сказителей – северных крестьян.

Факт преимущественного обнаружения былин на Севере поставил перед учеными целый ряд вопросов, и, прежде всего – вопрос о том, когда, откуда и каким образом проник эпос в северные районы. Что былинные сюжеты в основной своей части сложились не здесь, а были сюда занесены, у огромного большинства исследователей не вызывало сомнений. Всеми отмечалось, что былины заключают в себе слишком явные отголоски очень древних исторических событий; в них находим имена исторических лиц, действовавших в давно прошедшие времена, названия старых центров исторической жизни русского народа – Киева, Галича, Новгорода, Ростова Суздальского, Москвы. В былинах также, наравне с чертами северной природы и быта,

¹ Кроме того, А. Д. Григорьевым на Кулое было записано в эти же годы 90 номеров былин, из них 82 – богатырских, но в 1900-е годы эти записи опубликованы не были.

² Исключением явился Ростово-Донской край, где в 1900–1910-е годы А. М. Листопадовым было записано свыше 50 былин и былинных фрагментов (см. А. Листопадов, Донские былины. Ростов-на-Дону, 1945), но по характеру своему они резко отличаются от северных, о чем см. дальше.

³ Лишь приуральские и южносибирские былины XVIII и XIX вв. – времени составления сборников Кирши Данилова и Гуляева – дают тот же тип развернутого эпического повествования, что и былины Северного края.

встречаем черты, которые могли возникнуть только в южных районах, – описание степных пространств, могучих дубов, которых северянин не мог знать, и т. п.¹

Известные разногласия вызывал вопрос о более точном определении места и времени сложения этого основного ядра русского эпоса.

То обстоятельство, что в период интенсивной собирательской работы в области эпоса обнаружилось полное отсутствие былин на Украине, с другой стороны, то, что в самих былинах были вскрыты явные отражения московского быта, московских событий, московских политических взаимоотношений, – побудило некоторых ученых, как М. Халанского, А. Архангельского, С. Шамбинаго, выдвинуть положение о более позднем (XVI–XVII вв.) сложении былинного эпоса, именно в пределах Московского государства.

13

Халанский считал, что самый факт отсутствия эпоса на юге говорит о том, что его там не было. Он допускал только более раннее образование на юге некоторых отдельных песен с именами Киева и Владимира. Песни эти, по его мнению, оказали ассимилирующее влияние на северные поместные эпические песни, и, таким образом, уже в московское время образовался так называемый киевский цикл, в былинах которого «киевские элементы» явились лишь чисто формальным моментом.¹ Шамбинаго близость некоторых былинных сюжетных ситуаций к эпизодам из воинских повестей XV–XVI вв. считал доказательством позднего формирования «великорусского» эпоса, который использовал уже сложившиеся композиционные образцы. Он склонен был отнести к московскому времени даже былинку о Василии Буслаеве, всецело проникнутую чертами старого новгородского быта.²

Однако, хотя из Украины действительно нет былинных записей, все же в украинском фольклоре имеются известные отголоски богатырского эпоса – в некоторых думах, народных преданиях и рассказах, в свадебных и игровых песнях – в виде реминисценций отдельных былинных мотивов и имен богатырей. К Украине относится и Барсовский рукописный список былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике.³ Все это заставляет предполагать, что богатырский эпос был известен и украинскому народу, исчезновение же его было вызвано определенными условиями исторической жизни и особенностями развития поэтического творчества на юге.

14

¹ В литературе о русском эпосе известна лишь единственная попытка представить былины, как позднее творчество на Севере. Это точка зрения Б. Розенфельда, нашедшая отражение в его статье «Героический эпос древней Руси» в книге Г. Абрамовича и Ф. Головенченко «Русская литература», учебник для 8-го кл., изд. 2-е, М., 1935. По теории Розенфельда, известная нам героическая былина, как определенный поэтический жанр («крестьянская воинская былина», по его терминологии), сформировалась лишь в XVII в. и именно в среде северных крестьян, использовавших старые исторические предания и песни – наследие княжеско-дружинного творчества – как материал. Высказывания Б. Розенфельда в науке не оставили следа, и положение о том, что формирование эпоса происходило не на Севере, а что туда эпос проник уже в сложившейся форме былины, осталось в прежней силе.

² М. Халанский, Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1885.

³ С. Шамбинаго, Песни-памфлеты XVI в. Исследование. М., 1913; его же, Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914. Шамбинаго пытался истолковать былины о Василии Буслаеве как исторический памфлет на Ивана Грозного, разгромившего Новгород в 1570 г. Этот факт разгрома Новгорода и является, по его мнению, содержанием былины о бое Василия Буслаева с Новгородом. Во второй былинке, изображающей паломничество Василия в Иерусалим, он видел «песнь о нераскаянной кончине», которая использовала реальный эпизод путешествия Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь. Концепция Шамбинаго страдает большими натяжками и в целом неубедительна. См. рецензию Вс. Миллера «Песни-памфлеты XVI в. (исследование С. К. Шамбинаго)», «Вестн. Евр.», 1913, V.

³ Материалы по отголоскам богатырского эпоса в украинском фольклоре собраны в книге А. М. Лободы «Русский богатырский эпос», Киев, 1896, стр. 90–96. См. еще В. В. Данилов. Отзвуки былины о змеборстве Добрыни Никитича в украинском фольклоре. «Киевск. стар.», 1905, сент.

Известно, что южная и юго-западная Русь, сильно запустевшая после татарского разгрома, пережила впоследствии еще целый ряд сильнейших исторических потрясений. Новый эпос, создавшийся на основе более поздних исторических переживаний – эпохи борьбы с турками, – казацкие думы, заслонили собою и постепенно вытеснили остатки старого народного эпоса, которые сохранились лишь в виде указанных выше реминисценций в других видах народного творчества.

Изучение древнерусских летописей и некоторых других старых документов тоже даст материал для утверждения, что ряд песен был уже сложен в домосковское время и был известен на юге. В результате, например, рассмотрения известного письма оршанского старосты Филона Кмиты Чернобыльского к кастеляну Остафию Воловичу 1574 г., в котором упоминается вместе с Ильей Муромцем и Соловей Будимирович, тоже как богатырь-оберегатель, можно предположить, что былина о Соловье Будимировиче в конце XVI в. была уже древнею.¹

Упоминания в ряде заметок в летописях XV–XVI вв. Добрыни и Алеши (Александра) Поповича как богатырей несомненно опираются на уже существовавшие народные предания и песни о них. Знаменательно само объединение в ряде заметок этих двух героев нашего эпоса, исторические прототипы которых относятся к разным векам, а также и отнесение подвигов Алеши Поповича (богатыря XIII в.) к началу XI в., т. е. ко времени киевского князя Владимира Святославича.

Все это говорит уже о каком-то процессе циклизации народных преданий или песен о Добрыне и Алеше до XV–XVI вв.²

Таким образом, имеются достаточно убедительные данные в пользу раннего происхождения нашего эпоса. Кроме приведенных выше фактов, в этом убеждает нас и само содержание и характер русского эпоса. В нем мы находим настолько

15

живые отражения киевского и суздальского периодов, что трудно рассматривать их лишь как позднейшее и формальное использование отголосков ранних преданий. В этом отношении следует признать совершенно правильным известный тезис, в русской науке впервые отчетливо сформулированный Л. Майковым: «Вообще народный эпос по своему образованию всегда современен или воспеваемому событию или, по крайней мере, живому впечатлению этого события на народ».¹

Исходя из этого положения и на основе изучения конкретного материала, Майков местом сложения былин Владимирова цикла считает южную Русь, относительно же времени формирования эпоса полагает, что содержание его «вырабатывалось в продолжение X, XI, XII веков, т. е. в первой половине удельно-вечевого периода, а установилось не позже времени татарского владычества, и даже именно в ту пору, когда Москва еще не сосредоточила в себе всей государственной силы Руси, и в народе свежа была память о первенствующем значении Киева». Такой эпохой можно считать, по его словам, вторую половину удельного периода – века XIII и XIV.²

Известные коррективы в это положение внес В. С. Миллер. Он указал, что далеко не все былины, действие которых протекает в Киеве и связано с именем князя Владимира, действительно киевского происхождения. Многие былины так называемого «владимирова цикла» он склонен был, по ряду бытовых черт и по характеру

¹ Пересказ письма Кмиты Чернобыльского дан в книге Лободы «Русский богатырский эпос», стр. 14.

² Д. С. Лихачев совершенно справедливо полагает, что образование киевского цикла должно было произойти еще до присоединения Новгорода к Москве (1479 г.), так как новгородские былины остались вне этого цикла (см. статью Д. Лихачева «Культура Руси на рубеже XIV–XV веков» в «Историческом журнале» 1943 г., № 1, стр. 44–45). А так как процесс циклизации несомненно был длительным, то еще до XIV в. надо предполагать наличие значительного количества эпических произведений.

¹ Л. Н. Майков, О былинах Владимирова цикла. СПб, 1863, стр. 22. В западной фольклористике этот тезис был выдвинут Вильмарке и Фориэлем, первым – в отношении бретонского эпоса (см. «Chants populaires, de la Bretagne», 1, стр. XXV), вторым – относительно новогреческих песен (Les chants populaires de la Grece moderne, recueillis et publies par C. Fauriel. I-II, Paris, 1824).

² Там же, стр. 27.

социальных взаимоотношений, считать новгородскими.³ Однако киевское происхождение какой-то части русского эпоса им не отвергалось, и вопрос ставился им лишь об отдельных былинах.

Все же, если Майков неправильно весь так называемый «владимиров цикл» прикреплял к киевскому периоду истории, Вс. Миллер впадал в противоположную крайность и относил

16

к Новгороду былины, сюжеты которых могли сложиться и в киевское время.¹

Вполне определенно о начале формирования богатырского эпоса в дотатарское еще время говорил Добролюбов. Начальные же моменты циклизации, образование владимирова цикла он относил к тяжелой године татарских нашествий. Тогда, по словам Добролюбова, народ «вспомнил минувшую славу и обратился к разработке старинных преданий... Тут он начал организовывать разбросанные сказания, перепутал лица, местности и эпохи и целый трехсотлетний период сгруппировал около лица одного Владимира, бывшего ему памятнее других».² Добролюбов указал и те моменты в народном сознании, которыми был обусловлен процесс. Народ «невольнo сравнивал нынешние события (т. е. события эпохи татарщины – А. А.) с преданиями о временах давно минувших». Песни про славных могучих богатырей, окружавших князя Владимира, были сначала «горьким упреком настоящему», а потом доставляли народу забвение и даже утешение, стали увлекать его и заставляли «применять прежние события к современному течению дел». «Таким образом богатырей Владимировых заставили сражаться с татарами и самого Владимира сделали данником грозного короля Золотой орды».³ Эти песни были выражением мечты народа об освобождении, о победе над своими поработителями. Отсюда, по мнению Добролюбова, и фантастический характер эпоса и гиперболичность его образов.

Вместе с объединением отдельных разрозненных песен киевского периода происходит и ассимиляция их с местными ростово-суздальскими и другими областными преданиями. В образовавшийся уже в основном киевский цикл, занесенный в новые центры государственной жизни, втягиваются местные герои; новые социально-исторические впечатления воздействуют на раннее творчество, и оно соответственным образом изменяется; создаются новые песни, также подвергающиеся процессу ассимиляции, исключая тех, которые возникают в более обособленных районах (как, например, Новгород). Такова общая картина раннего периода жизни эпоса – периода его формирования, который охватывал несколько веков.

17

Новые исследования в области истории древней культуры снова поднимают вопрос о времени киевской циклизации. В названной выше работе Д. С. Лихачева¹ процесс циклизации поставлен в тесную связь с тем культом Киева и князя Владимира, который был вызван подъемом национального самосознания после Куликовской победы. Тенденция к идеализации и к возрождению заглохших киевских традиций, ярко проявившаяся на грани XIV–XV вв. и в литературе и в изобразительном искусстве, отозвалась, по мысли автора, в области народного творчества интенсивным процессом циклизации местных эпических сказаний вокруг Киева и князя Владимира.

³ Так, например, ироническое освещение князя Владимира в ряде былин Вс. Миллер считал отражением типично «новгородского» отношения к князю, и потому былины, заключающие данный момент, относил к Новгороду.

¹ Например, былинку об Иване, гостинином сыне (состязание конями) и о Соловье Будимировиче. См. примечания к этим сюжетам в книге «Былины Севера», т. I, стр. 588 и 630.

² Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, I, 1934, стр. 216.

³ Там же.

¹ «Культура Руси на рубеже XIV–XV вв.»

Но если в это время данный процесс действительно мог усиливаться, то начальные моменты его все же относятся к более раннему периоду. Так или иначе несомненно, что образование киевского цикла в целом произошло еще до того времени, как эпос стал проникать на Север, и что в основу его лег целый ряд сказаний, сложившихся еще в досудзальский период.

2.

Вопрос о том, когда и каким образом сформировавшийся уже в основном эпос, в его сложном составе и виде, попадает на северные окраины, где претерпевает какие-то новые изменения, стоит в тесной связи с вопросом о создателях и хранителях былинного творчества. В науке он детально был разработан преимущественно представителями исторической школы, для которой вообще характерен большой интерес к факторам социально-историческим. Но в освещении этого вопроса мы встречаемся с рядом грубейших заблуждений, повлекших извращение общей картины народного творчества.

Основной предпосылкой, на которой базировались исследователи, примыкавшие к исторической школе, было возражение их против туманного и расплывчатого тезиса о «безличном» народном творчестве. За фольклорными произведениями ими справедливо мыслились индивидуальные авторы, имена которых лишь остались неизвестными. «Коллективность» же понималась, как выражение настроений, общих данной среде (т. е. к которой принадлежал автор), а также как последующее

18

сотворчество (процесс вариации произведений). Высокая техника многих фольклорных произведений, в том числе и былин, заставляла предполагать наличие создателей-мастеров, сказителей и певцов профессионалов. В определении среды, из которой выделились такие мастера и профессионалы, и была допущена основная ошибка, извратившая на несколько десятилетий все представление о начальном периоде и развитии русского эпоса.

Предполагалось, что древнейшее ядро эпоса – былины богатырские, воинские – должно было возникнуть именно в той среде, которой особенно были близки боевая тематика и политические интересы своего времени, в среде, основное жизненное содержание которой составляли походы, битвы, военные подвиги. Такой средой мыслилась среда княжеско-дружинная, в которой, казалось, естественно должны были прежде всего слагаться песни в честь князей и дружинников. Правда, Вс. Миллер не отрицал существования в древней Руси и эпоса «простонародного» происхождения. «Остов» былины такого типа он видел в переяславском предании о борьбе ремесленника Яна с великаном-печенежином – предании, донесенном древней летописью.¹ Однако дошедший до нас былевой эпос он ведет от другого источника – от песен, создавшихся именно в княжеско-дружинной среде: «Согласно историческому характеру этих песен нужно думать, что они были слагаемы и распространялись в среде населения, ближе стоявшего по развитию и общественному положению к княжескому двору и дружине, по современным понятиям принадлежавшего к «интеллигенции». Слагались песни княжескими и дружинными певцами, там, где был спрос на них, там, где пульс жизни бился сильнее, там, где был недостаток и досуг, там, где сосредоточивался цвет нации, т. е. в богатых городах, «где жизнь шла привольнее и веселее».² Такими песенными центрами Вс. Миллер считал Киев, Новгород, а также Чернигов и Переяславль – до разорения их половцами.

В таком решении вопроса о среде создателей былин ярко проявился наивно-

¹ Повесть временных лет под 6500 г. (А. А. Шахматов, Повесть временных лет, т. I, П., 1910); В. Ф. Миллер, Очерки русской народной словесности, т. III, М.–Л. 1924, стр. 23 (статья «Очерк истории русского былинного эпоса», 1912).

² Там же, стр. 28.

реалистический, по справедливому определению Ю. М. Соколова, подход к явлениям.³

19

Опору для утверждения того, что княжеско-дружинные певцы были создателями древнерусских эпических песен, ученые находили в нескольких летописных заметках и в «Слове о полку Игореве», в которых действительно есть упоминания о певцах, воспевавших «славу» князьям.¹ Их творчество, казалось, неминуемо должно было носить черты идеологии военного слоя. «Воспевая князей и дружинников, – писал Вс. Миллер, – эта поэзия носила аристократический характер, была, так сказать, изящной литературой высшего, наиболее просвещенного класса, более других слоев населения проникнувшегося национальным самосознанием, чувством единства Русской земли и вообще политическими интересами».²

Одновременно Вс. Миллер предполагал, что «если эти эпические песни, княжеские и дружинные, и доходили до низшего слоя народа, до земледельцев, смердов и рабов, то могли только искажаться в этой темной среде, подобно тому, как искажаются в олонецком и архангельском простонародье современные былины, попавшие к нему из среды профессиональных петарей, исполнявших их ранее для более богатого и культурного класса».³

Эти «профессиональные петари», явившиеся, по мысли Вс. Миллера, промежуточным звеном между дружинными певцами и северными крестьянскими сказителями, были «скоморохи», – профессиональные певцы и затейники. Им и приписывалось окончательное оформление былинного жанра, выработка целого ряда поэтических приемов, всей вообще высокой художественной техники былины. Последняя могла, казалось, создаться только в профессиональной среде мастеров поэтического искусства. «Только путем передачи былинной техники из поколения в поколение, учителем ученику, объясняются рассмотренные нами черты былины: ее запевы, исходы, поэтические формулы или *loci communes*, постоянные эпитеты и вообще весь ее склад. Думать, что все эти формулы установились путем той, более или менее случайной, традиции, которую мы застаем еще в настоящее время среди крестьян Олонецкой губернии, нет возможности. Крестьяне были только последними хранителями (нередко и сказителями) былинного репертуара. Но он сложился в другой среде, и традиционные формы былины, вся ее техника, некогда, и притом в течение

20

нескольких столетий, вырабатывалась в среде профессиональных певцов и сберегалась, посредством обучения, гораздо тщательнее, чем в нынешней среде олонецких петарей, сказителей и калик».¹ Скоморохи не только разрабатывали княжеско-дружинное наследие, но и облекали в форму былины и международный литературный материал, создавая былины новеллистического характера и типа фавлю.²

Самый процесс передачи эпического наследия от скоморохов к крестьянам рисовался в следующем виде. Гонимые правительственными указами, направленными в XVI и XVII вв. против скоморохов, как носителей светского искусства и как дезорганизирующего и разбойного элемента,³ скоморохи уходят из городов и

³ Ю. М. Соколов, Русский былинный эпос (проблема социального генезиса). «Литературный критик», 1937, № 9, стр. 186 и 188.

¹ Эти свидетельства древнерусских памятников собраны и рассмотрены у А. М. Лободы, Богатырский эпос, стр. 109–110, и у Вс. Миллера, Очерки, III, стр. 26–28.

² Очерки, III, стр. 28.

³ Там же, стр. 28.

¹ Вс. Миллер, Очерки, I, М., 1897, стр. 52.

² Там же. Главнейшие работы о скоморохах: А. И. Фаминцын, Скоморохи на Руси. СПб., 1889; А. Кирпичников, К вопросу о древнерусских скоморохах (Сборник ОРЯС Ак. Наук, т. 52); см. также Вс. Миллер, Очерки, I, стр. 52–64; новая постановка вопроса о скоморохах в статье А. Морозова «Скоморохи на Севере» («Север», альманах Арханг. отд. ССП, 1946).

³ См. об этом указанные выше исследования.

центральных районов в места более глухих поселений, на окраины, оседают среди местного населения, которому и передают свое знание и свое мастерство. Этим, между прочим, и объясняли Вс. Миллер и др. не только наличие былин на самых отдаленных окраинах Севера, но и слабость эпической традиции в центре.

Изложенная концепция, особенно четко сформулированная Вс. Миллером, господствовала в науке о былине вплоть до середины 30-х годов нашей эпохи, детализируясь и уточняясь в своих отдельных частях. Так, Б. М. Соколов, вполне разделяя тезис о том, что создание былин находилось в руках профессиональных певцов, стремился еще более уточнить классовые моменты в процессе сложения эпоса, исходя из предпосылок, что «каждый класс каждой эпохи имел обслуживавших его социальные интересы и художественные потребности профессиональных поэтов и певцов».⁴ «Княжеско-дружинный класс первых веков русской истории обслуживался поэтами, певцами-дружинниками, большей частью принадлежавшими к нему самому; «социальный заказ» торгово-буржуазного класса больших городов и класса княжеско-боярского, как и самих царей, выполняли в значительной мере знаменитые поэты и певцы и артисты средневековой Руси – скоморохи; интересы

21

церковно-религиозных, преимущественно высших классов выявляли калики, пилигримы, затем лишь выродившиеся в калик переходящих, нищих-богомольцев».¹

Б. М. Соколов пытался представить целостную картину развития эпоса с точки зрения его социальной истории. Зародившись в X–XII вв. в княжеско-дружинном классе южной Руси, в областях, близких к Киеву и с ним связанных, эпические героические песни в XII–XIII вв. были дружинными певцами перенесены в Галицко-Волынскую Русь, в XIII–XIV вв. – в Ростово-Суздальскую. Там дружинная поэзия продолжает развиваться, пополняясь новыми мотивами. В то же время складываются эпические песни и среди калик-пилигримов, идеологических представителей духовенства, а также скоморохами, обслуживавшими буржуазно-торговый класс.

Последние создают главным образом новеллы и фавлю. Поэтическими центрами, где слагался и развивался этот род эпического творчества, были преимущественно большие торговые города, особенно Новгород XII–XV вв. Затем «вся эта продукция предыдущих эпох, конечно, не без больших утрат и значительных видоизменений, была принесена, возможно, в репертуаре тех же скоморохов, в Московскую великокняжескую, а затем царскую и боярскую Русь (XV–XVII вв.)».²

Свой заметный вклад в эпическое наследство внес «казацкий класс», получивший большое значение в Смутное время. В этот период происходит сильная демократизация эпоса. Скоморохами былины заносятся и в крестьянскую среду. Итак, с XVII в. былины, «сложенные в среде почти исключительно высших классов древней Руси, стали достоянием низших классов, а в XIX–XX вв. последними хранителями оказались по преимуществу одни северные крестьяне-сказители».³ Былины, таким образом, представляют «чрезвычайно сложное создание, разноместное и разновременное и, вместе с тем, необычайно пестрое по своей социальной природе».⁴ «Каждая социальная группа и каждая новая эпоха, с одной стороны, вносили в былинный эпос свои новые песни, с другой, – усваивали и, усваивая, когда бессознательно, когда сознательно, по своему перерабатывали и приспособляли к своим вкусам прежний эпический материал».⁵ Следовательно, и былины,

22

⁴ Б. М. Соколов, Русский фольклор. Вып. I, изд. 2-е, 1931 г., стр. 12.

¹ Б. М. Соколов, Русский фольклор, стр. 12.

² Там же, стр. 63.

³ Там же, стр. 64.

⁴ Там же, стр. 63.

⁵ Там же, стр. 22.

подобно другим фольклорным жанрам, испытали на себе действие закона «социально-исторических и бытовых наслоений».¹

По приведенной концепции, таким образом, северные крестьяне восприняли в какую-то пору эпическое наследие, социально им далекое, идущее от других и именно от высших социальных слоев. В этом положении и заключался основной порок данной концепции, повлекшей за собой и ряд других ошибочных утверждений. На нем, например, основывалось мнение о том, что северное крестьянство лишь искажало и изживало былины. По словам Б. М. Соколова, крестьянство «донесло для науки былинку, но оно же эту былинку шаблонизировало, а в последнее время почти ее изжило».²

Это последнее положение вызвало, однако, и возражения. Непосредственное восприятие народного характера самих былин, а также наблюдения над жизнеспособностью былинного эпоса вплоть до наших дней побудили противопоставить тезису «пассивного изживания» утверждение об активной и творческой роли крестьянства. С одной стороны, она мыслилась как коренная переработка, целая цепь трансформаций и переосмыслений, приведших к органическому изменению основных образов эпоса в направлении его демократизации.³ С другой стороны, была попытка, как мы уже видели выше, рассматривать былины вообще, как продукт крестьянского творчества XVII в., создавшегося на основе княжеско-дружинного эпического наследия. Но и в том и в другом случае исходный тезис о зарождении эпоса в высших слоях не опровергался, и северный этап в жизни русского эпоса попрежнему воспринимался как принципиально иная в социальном и идейном смысле стадия.

Это мешало и правильному восприятию существа тех процессов, которые наблюдаются в этот северный период.

Путь для правильных научных построений в области данного вопроса был расчищен известной фольклористической дискуссией 1936 г. о характере и происхождении эпоса. Этой дискуссией в корне была опровергнута концепция об аристократических основах русского эпоса (как и эпосов других народов) и подчеркнута подлинная и исконная его народность.

23

«Нет никаких оснований, – писал Ю. М. Соколов, суммировавший и развивший высказывания ученых на дискуссии в своей статье «Русский былинный эпос», – признавая преобладающий военный характер героического эпоса, тем самым считать его продуктом творчества очень узкой «среды военной аристократии». В идеализированных образах князей, бояр, царей, королей, пэров выражались идеалы, мечты, чаяния широких народных масс. Идеи отечества, его защиты, идеалы долга и чести, идеи справедливости и сострадания к бедным и несчастным – это те идеи, которые должны были воодушевлять и действительно воодушевляли весь народ, отстаивавший право на свою национальную самостоятельность, на спокойную, справедливую жизнь».¹

В настоящее время мы отчетливо представляем, какие из прежних положений были правильными, бесспорными, и в чем заключались основные ошибки. Вопрос о происхождении северной эпической традиции и ее взаимоотношении с эпическим творчеством периода его формирования должен быть освещен по-иному.

Былинное творчество создавалось, очевидно, и певцами-профессионалами, и

¹ Б. М. Соколов, Русский фольклор, вып. I, изд. 2-е, 1931 г., стр. 7.

² Там же, стр. 33. См. также об этом в 1-й главе, стр. 9.

³ См. мою статью «Русские былины» в книге «Эпическая поэзия», изд. «Советский писатель». Малая серия, № 1, стр. 20–38; также Н. П. Андреев, Русский фольклор. Хрестоматия, 1-е изд., Л., 1936, вступительная статья.

¹ Ю. М. Соколов, Русский былинный эпос (проблема социального генезиса). «Литературный критик», 1937, № 9, стр. 193.

непрофессиональными мастерами-сказителями из трудовых масс. История донесла до нас свидетельства о профессиональных певцах из среды дружинников и о скоморохах. Свидетельства эти бесспорны. Но эпические песни несомненно складывались и в среде древнего земледельческого населения – «смердов», а также и в среде «молодших» людей посада – мелких ремесленников и т. п. Былинный эпос с самого начала его создания явился глубоко народным творчеством, отразившим народные идеалы, народное отношение к изображаемым событиям и лицам. Значительная часть его возникла в эпоху напряженной, длившейся несколько веков борьбы с иноземными нашествиями, тягчайшим из которых было татарское. В былинных образах выражено осознание народом своих сил, направленных на защиту родины, воплощены идеалы мощи и доблести, «чаяния и ожидания» народа. В то же время, профессиональных участников сложения эпоса – дружинных певцов и скоморохов – нельзя рассматривать, как выразителей идеологии правящих классов. Многие дружинные певцы-профессионалы принадлежали к демократической части дружины, вербовавшейся из низших слоев. Кроме того, принадлежность

24

к господствующим классам вовсе не служила препятствием для отражения чисто народных идеалов и настроений. Ведь эпос формировался в ответственной для истории русского народа эпоху, когда складывалось и укреплялось национальное сознание, пришедшее на смену родовой и племенной обособленности

Поэтому, если в создании былинного творчества в отдельных случаях и принимали участие представители высших слоев – князья и члены «старшей» дружины, то и они отражали в своих песнях общенародные идеалы и стремления. И только такого рода песни и могли сохраниться в памяти народа в течение веков.

Аналогичные явления наблюдаются в области эпоса и у других народов. Эпос ни у одного народа не являлся «массовым» искусством – в смысле широкого его распространения среди рядовых исполнителей и его доступности. Его творцы и носители – всегда отдельные мастера, профессиональные и непрофессиональные, но принадлежащие народу, выразители народных начал. Таковы древнегреческие рапсоды, певцы народов Средней Азии, Кавказа и др.

Что касается скоморохов, несомненно, сыгравших известную роль в оформлении эпоса, то эти народные артисты отнюдь не являлись исполнителями «социального заказа» господствующих слоев и элементом, обслуживавшим преимущественно высшие социальные круги. Скоморохи выходили из демократических слоев и никогда не порывали тесной связи с народом. Они были носителями чисто народного искусства, выразителями демократических идей и настроений, что и послужило главным поводом к гонениям на скоморошество в XVI–XVII вв.

Эти гонения обусловлены были не только нажимом церкви, ополчившейся на светское «языческое» творчество, и не только связью скоморохов с анархическим и разбойничьим элементом древней Руси (что послужило преимущественно лишь удобным предлогом для официального объяснения гонений), но и определенными идеологическими моментами их искусства, которые не могли быть по вкусу правящим кругам (например, социальной сатирой).

Крепко связанные с народными массами, эти бродячие народные артисты сыграли известную роль в распространении былинного творчества по старой России. Они же заносили эпос и на далекие окраины. Но неправильно было бы все богатство эпической традиции Севера рассматривать, как воспринятое от скоморохов. Следы пребывания их на Севере, действительно,

25

очень значительны. Но былины были найдены и там, где следов этих не обнаружено. И если мы предположим, что и в более ранний, период эпическое творчество не замыкалось в кругу лишь профессиональных исполнителей – дружинных певцов и

скоморохов, и что сказители непрофессионалы, принадлежащие к трудовым массам, были присущи и раннему периоду жизни эпоса, то нам станет более понятным и самое движение эпоса с юга на север.¹

Как в ранние века истории русский эпос из древнейших своих очагов передвигался вместе с колонизацией в новые места, где ассимилировался с местными преданиями, так и на Севере былины появляются вместе с населением, пришедшим из более южных районов, а не только заносятся сюда скоморохами.

Известно, что северные окраины, так же как Западная Сибирь, были колонизованы частью выходцами из Новгородской области, частью пришельцами из Московской земли. Новгородская колонизация начинается уже с XII–XIII вв., особенно усиливаясь в XIV–XV вв.; движение из московского центра на Север относится к несколько более позднему времени – к XV–XVII вв. Оба колонизационных потока сталкиваются в ряде северных районов. Таким образом, современные носители эпоса на Севере, – северные крестьяне, – являются преемниками поэтического наследия, которое их предки занесли на Север из Новгорода и Москвы вместе со своими обычаями, костюмами и другими элементами культуры. Это предположение полностью подтверждается и тем, что особенно богатой былинная традиция оказалась как раз в местах наиболее старых новгородских и московских поселений – на Пинеге, Мезени, Печоре, в Беломорье, Олонецком крае. В то же время следы эпической традиции сохраняются в самих Новгородской и Московской областях в ряде записей из этих мест. Наличие былины в Сибири, в Поволжье и у южного казачества еще более подкрепляет это положение о перемещении и распространении былинного эпоса при колонизации, идущей из Новгорода и центра: эти районы заселялись тоже пришельцами из указанных областей, но лишь несколько позже.

Следовательно, занесение былин на Север происходило двумя путями: вместе с колонизацией и посредством скоморохов. В обоих случаях усваиваемое старое эпическое наследие не

26

являлось для северного крестьянского населения чем-то далеким и чуждым. Оно было ему близко и понятно, как глубоко народное искусство, особенно героический цикл с центральным образом богатыря, защищающего родную землю от разоряющих ее врагов.

С исчезновением скоморошества единственными носителями былинного творчества остались певцы непрофессионалы из среды крестьянства и казачества. В этой же среде были найдены и собраны былины в XIX и XX вв.

3.

Цветущее состояние эпоса на Севере еще ко времени первых больших собирательских работ и одновременно исчезновение и разложение его в центральной России поставили вопрос об условиях, способствовавших сохранению и развитию эпической поэзии, и о тех причинах, которые, наоборот, вели к более быстрому ее забвению и упадку.

Среди условий, которые поддерживали бытование эпоса в северных районах, главными считались их ограниченность от культурных центров и вытекающая отсюда общая консервативность, архаичность быта. С другой стороны, выдвигалась сравнительная независимость северных крестьян, не знавших крепостного права. Эти

¹ Аналогичное явление мы видим и в области сказки, которая создавалась и исполнялась не одними профессионалами «бахарями», но и сказочниками-непрофессионалами из широких народных масс.

два условия были отмечены еще Гильфердингом, стремившимся уяснить причину, по которой былина, исчезнувшая в других местах, сохранялась на Севере. «Этих причин две, – писал он, – и необходимо было их совместное действие; эти причины – свобода и глушь. Народ здесь оставался всегда свободным от крепостного рабства. Ощущая себя свободным человеком, русский крестьянин Заонежья не терял сочувствия к идеалам свободной силы, воспеваемым в старинных рапсодиях... В то же время свободный крестьянин Заонежья жил в глуши, которая охраняла его от влияний, разлагающих и убивающих первобытную эпическую поэзию: к нему не проникали ни солдатский постой, ни фабричная промышленность, ни новая мода; его едва коснулась и грамотность... Таким образом, здесь могли удержаться в полной силе стихии, составляющие необходимое условие для сохранения эпической поэзии: верность старине и вера в чудесное».¹

27

Указанные Гильфердингом моменты постоянно повторяются и другими исследователями.¹ Однако в это положение необходимо внести существенные поправки.

Прежде всего, неправильно, говоря об ограниченности былинных районов от центров, ставить знак равенства между нею и культурной отсталостью населения и чрезмерно подчеркивать особый якобы консерватизм в быту северян. В XIX в. и раньше северные районы по степени культурности вовсе не идут позади центральных аграрных. Наоборот, в ряде моментов северное крестьянство стоит на одном из первых мест.² Что касается «веры в чудесное», то она не менее долго, чем на Севере, жила в крестьянстве и других районах. Всевозможные пережитки в быту и сознании на юге и в центральных областях были не менее, а может быть даже и более интенсивны.

Вместе с тем, Гильфердинг был все же прав, когда подчеркивал роль отдаленности северных районов и отрезанности жителей их от центра. Но данное обстоятельство имело другое значение.

В тот ранний период, когда на Север стали проникать былины, и в последующие годы, вплоть до начала XVIII столетия, Север жил чрезвычайно интенсивной жизнью. Он был связан с культурными, административными и торговыми центрами старой Руси, имел общение и с западом, благодаря торговым сношениям, которые велись тогда русскими преимущественно через северные реки, впадающие в Белое море. В этот период среди свободного от крепостной зависимости населения и развилась, окрепла и богато расцвела высокая художественная русская культура – в замечательном деревянном зодчестве, в разных видах кустарных изделий (чудесных вышивках, резных, деревянных и костяных работах), в расписных фронтонах, в костюме и в изумительном по богатству, глубине, яркости образов и звуков музыкально-поэтическом творчестве. В нем видное место занимала и былина, один из самых высоких по идейному и художественному значению фольклорных жанров.

Но с начала XVIII в., в связи с завоеванием Прибалтийского края, Север оказывается в стороне от главной арены исторической жизни, от тех мест, где развертывались и сменялись исторические события. Новые культурные веяния доносятся

28

сюда слабо. Это обуславливает наиболее крепкую и прочную сохранность старого художественного наследия именно на Севере.

Однако здесь правильнее говорить не столько о консервации старой культуры, как

¹ А Ф. Гильфердинг, Олонецкая губерния и ее народные рапсоды («Онежские былины», СПб, 1873, стр. XI).

¹ См., например, Вс. Миллер, Очерки, I, стр. 6–12.

² См., например, данные о грамотности и начальном образовании, которые приводит А. Н. Нечаев в ввводной статье в книге «Сказки Карельского Беломорья», Петрозаводск, 1939, стр. XXXVI и след.

ставит, например, этот вопрос Ю. М. Соколов,¹ сколько о дальнейшем ее самобытном росте, более, чем в центре, свободном от приходящих извне влияний. В отношении эпической поэзии в центральных областях действовал тот же закон, в силу которого с юга еще раньше совсем. исчез богатырский эпос: новые впечатления и переживания вытесняли старые; поэтические произведения, в которых преломились эти новые впечатления, заменяли собой прежние. В центральных районах историческая песня заслонила собой старинный эпос. На Севере он продолжал жить и развиваться дальше.

Этому развитию способствовала близость идейного содержания былин к характеру и быту северного крестьянства. Несомненно, большое значение имела, как и указывал Гильфердинг, независимость от крепостного гнета. Но кроме этого, вся обстановка жизни, полной борьбы и опасностей, трудные условия промыслов среди суровой природы выработали характерный нравственный облик северянина, отважного, выносливого, целеустремленного, определили его идеалы, его требования к себе и к товарищам по труду. Былины с их образами мужества и верности долгу были северным крестьянам особенно созвучны.²

Нужна была, конечно, большая поэтическая одаренность, чтобы культивировать этот сложный и трудный для восприятия и исполнения поэтический жанр. Нужны были и особые бытовые моменты, особые формы труда, создающие благоприятные условия для развития эпического творчества. Таким бытовым моментом, тоже впервые отмеченным Гильфердингом, было развитие на Севере рыбных и зверобойных артельных промыслов, а также таких подсобных ремесел, как вязание сетей, портняжное и сапожное ремесла. На значение рыбных и зверобойных морских промыслов для усвоения и

29

развития былинного мастерства не раз указывали и сейчас еще указывают северные сказители.¹

Во время работы на этих промыслах выдавались такие моменты, когда промышленники самими условиями промысла были обречены на бездействие. Эти промежутки промышленники заполняли рассказами, сказками, песнями. Артельщиками высоко ценилось мастерство сказочника и сказителя-былинщика.²

Таким образом, роль промыслов в развитии былинного эпоса состояла в том, что здесь создавалась та необходимая аудитория, без которой эпическая традиция начинает глхнуть. Здесь происходило и усвоение былин слушателями, создавались кадры сказителей. Здесь же совершался обмен поэтическими ценностями между разными районами Севера.³ Это питало эпос, мешало ему застыть, законсервироваться в

¹ См. в учебнике «Русский фольклор» (М., Учпедгиз, 1941): «С начала же XVIII в. , – тишет он, – судьба края резко изменилась. С завоеванием Прибалтики... северный торговый путь быстро стал сходить на нет, край постепенно стал сохнуть, и богатая художественная старина как бы законсервировалась» (стр. 228).

² См. об этом в статье Р. С. Липец «Местные мотивы в былине о Садко» в книге «Былины М. С. Крюковой», т. II, М. 1941, стр. 724.

¹ См. об этом в вводных статьях в сборниках былин А. Д. Григорьева, А. В. Маркова и Н. Е. Ончукова; в книге «Былины Севера» т. I, стр. 109, 284, 408, 479.

² Известны факты специального приглашения в промысловые артели хороших сказителей на особых, дающих им преимущества и льготы началах. См. рассказ П. Н. Рыбникова о приглашении рыболовами Т. Г. Рябинина («Мы бы на тебя работали: лишь бы ты нам сказывал» и т. д. Рыбн., (I, стр. LXXVIII). Аналогичные факты приводит Н. Е. Ончуков: «В хорошем старинщике на основе такая потребность, что старинщики пользуются некоторыми преимуществами... Старинщику, например, не поручают особенно трудную часть работы... При разделе добычи старинщику, особенно угодившему своими стараниями артели, возможно, что дается и до некоторой степени лучшая часть добычи» и т. д. («Печорские былины», стр. XXIII–XXIV).

³ Так на Зимний берег приходили промышлять крестьяне с Мезени и с Кулоя. На Кедах (берег Мезенского залива севернее г. Койды) встречались постоянно промышленники Зимнего берега, Мезени и Кулоя. Сказители д. Зимней Золотицы не раз называли в качестве непосредственных своих учителей

пределах определенных мотивов и схем, а наоборот – помогало ему творчески развиваться, вызывая создание новых композиций и вариаций отдельных эпизодов и мотивов. Характерно, что из всех северных районов особенно богатыми в отношении былин явились как раз те, в которых в особенности были развиты эти артельные промыслы – Заонежье, Беломорье, Мезень, Печора. И иногда гораздо более замкнутые и отрезанные от других мест районы, где, казалось бы, в силу этого эпос должен был бы сохраниться лучше, как раз быстрее его изживали. Это мы видим на примере верхней части Пинежья – Карпогорско-Сурского края.

30

Подсобные ремесла, которыми северяне занимались преимущественно в долгие зимние дни, – как вязание и починка сетей, портняжное и сапожное ремесла и т. п., по отзывам самих крестьян, тоже способствовали сохранению эпической поэзии.

«Сами крестьяне не раз объясняли мне, – рассказывал Гильфердинг, – что, сидя долгие часы на месте за однообразною работою шитья или плетенья сетей, приходят охота петь «старины», и они тогда легко усваиваются; напротив того, «крестьянство» (т. е. земледелие) и другие тяжелые работы не только не оставляют к тому времени, но заглушают в памяти даже то, что прежде помнилось и певалось».¹

В числе других обстоятельств, якобы игравших известную роль в сохранности былинного эпоса на Севере, указывали и на слабое проникновение грамотности. Как мы уже отмечали, Север в этом отношении вовсе не занимал особого положения. Кроме того, данное обстоятельство, как показали факты, не имело решающего значения. Правда, грамота порой несколько ослабляла память, так как снимала необходимость обязательно запоминать то, что представлялось интересным; к тому же чтение, расширяя кругозор, прививает новые вкусы и интересы. Но среди известных нам хороших сказителей были и лица грамотные, с необычайно острой памятью, с богатым разнообразным репертуаром.² Наблюдения же последних десятилетий как раз показали, что и усвоение грамотности и близость школы и других культурных учреждений не убили вкуса и способности к эпическому творчеству, а лишь видоизменили отношение к нему: бывшая вера в реальность былинных фантастических образов сменилась сознательно-эстетическим подходом к былине, как к высокому искусству – источнику больших художественных эмоций.

Кроме того, встреча сказителей с книгой, как увидим ниже, в главе VI, влечет часто обогащение местной эпической традиции новыми сюжетами и мотивами, а также становится новым возбудителем и самостоятельного творчества сказителя.

31

4.

Главные очаги эпической традиции на Севере – это, прежде всего, Прионежский край с Кондопогой на западе и Пудожьем и примыкающими к нему районами Кенозера и Моши на востоке;¹ затем реки Пинега, от устья до Суры включительно, Мезень – весь

мезенцев (см. А. В. Марков «Беломорские былины»). Поэтому скрещивание разных районных традиций в творчестве отдельных сказителей нередко. См. об этом в гл. VII.

¹ А. Ф. Гильфердинг, 1873, стр. XVII–XVIII.

² Таковы, например, сказители 1870-х годов Н. М. Швецов с Моши (Гильф., №№ 304–312), А. Касьянов с Космозера (Гильф., №№ 156–162), в 1900-х годах – Ф. Е. Чуркина, о которой Ончуков отзывался как об одной из лучших печорских сказительниц (Онч., стр. 3), В. А. Чупров («Вася Малый», Печора), по отзывам печорцев, лучший знаток былин на Пижме, и др. Среди современных сказителей целый ряд хороших сказителей – грамотные (М. Г. Антонов с Мезени, А. М. Пашкова из Пудожья, М. С. Крюкова и др.).

¹ Эти два последних района Гильфердинг включал в число районов Прионежья.

район русских поселений от устья и кончая селением Вожгоры,² Печора, нижняя и средняя, с левыми притоками Пижмой и Цыльмой, и берега Белого моря – Терский, Карельский, Поморский и Зимний.³ Кроме того, былины обнаружены были в Шенкурском уезде бывш. Архангельской губ. и в Кирилловском и Белозерском уездах бывш. Новгородской губернии.

В истории собирания русского эпоса на Севере мы наблюдаем два основных этапа. Первый, охватывающий вторую половину XIX в. и начало XX в., – период крупных открытий, когда был собран в основном весь северный инвентарь былинных сюжетов, установлены главные былинные очаги на Севере и выяснены общие особенности местных эпических традиций как в отношении степени их интенсивности, так и со стороны их репертуарных отличий.

Этот первый период, открывшийся в 60-е годы прошлого столетия собирательской работой П. И. Рыбникова в Прионежье, в итоге всех работ дал в руки ученых более 1200 текстов былин и старших, близких к былине исторических песен, что и дало возможность поставить и осветить важнейшие проблемы в области генезиса и истории русских былин.⁴

32

Второй этап, 20-е, 30-е и 40-е годы нашего времени, – эпоха повторного собирания на местах прежних работ; кроме того, были обследованы и некоторые новые районы, преимущественно смежные с уже обследованными, и, таким образом, уточнена карта распространения былин на Севере.

Этот второй период открывается 1926-м годом, когда на Север были направлены две крупные экспедиции: из Москвы, Государственной академии художественных наук (ГАХН) под руководством Б. М. и Ю. М. Соколовых, «По следам Рыбникова и Гильфердинга», и из Ленинграда, Государственного института истории искусств (ГИИИ), на Шунгский полуостров Карелии. Вторая экспедиция, в отличие от первой, не ставила обследования эпической традиции специальной и исключительной задачей. Это была комплексная искусствоведческая экспедиция, но собирание былин и изучение состояния эпической традиции в Заонежье было выделено в качестве одной из главных тем в работе словесной и музыковедческой группы экспедиции.¹ За этими первыми экспедициями последовали и другие – на Пинегу (1927 г.), на Мезень (1928 г.), на Печору (1929 г. и 1942 г.), снова в Карело-финский край (1927–1928, 1931–1935, 1938–1940 гг.), на Зимний берег (1937–1938 гг.) и пр. Этот второй этап собирания дал огромный материал для исследования всех процессов, связанных с бытованием на Севере русской быliny.²

² В ближайших селах к востоку от Вожгор у коми зафиксировано знание отдельных былинных отрывков.

³ Терский берег – южная оконечность Кольского полуострова; Карельским берегом в конце XIX и в начале XX в. назывался западный берег Белого моря от Сороки (ныне Беломорска) до Кандалакши; наименование Поморья было прикреплено к южному берегу Белого моря, от Сороки до г. Онеги; Зимним берегом называется южный берег горла Белого моря.

⁴ Еще до начала собирательской работы П. И. Рыбникова на Севере были записаны отдельные варианты для П. В. Киреевского. Они опубликованы в его собрании песен, вышедшем почти одновременно с изданием «Песен» Рыбникова. Этих вариантов былин и старших исторических песен из северных районов в собрании Киреевского 40 с небольшим. Записаны они почти все в Архангельском уезде, в Шенкурске и Шенкурском уезде и на р. Онеге. Но планомерная работа по обследованию былинного фонда на Севере начинается с Рыбникова.

¹ А. М. Астахова, Былинная традиция на современном Севере (Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Л., 1934).

² В дальнейшем изложении приняты следующие сокращения:

Гильф. – А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, СПб, 1873; изд. 2, тт. I–III, СПб, 1894–1900; изд. 3, тт. II–III. М.–Л., 1938–1940.

Григ. – А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. I, М. 1904; т. II, Прага, 1939; т. III, М. 1910.

К. Д. – Сборник Кирши Данилова, СПб, 1901; Древние российские стихотворения, собр. Киршею

Даниловым, М. 1938.

Кир. – Песни, собр. П. В. Киреевским, вып. I–X, М. 1860–1874.

Марк. – А. В. Марков. Беломорские былины, М. 1901.

Марк.-Богосл. – Материалы, собр. в Архангельской губ. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Тр. Муз.-этногр. ком., I, М. 1905, II, М. 1911г.

Онч. – Н. Е. Ончуков. Печорские былины, СПб, 1904.

Рыбн. – Песни, собр. П. Н. Рыбниковым, изд. 2, тт. I–III, М. 1909–1910.

Тих.-Милл. – Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер. Былины старой и новой записи, М. 1894.

БЫЛИННОЕ ТВОРЧЕСТВО СЕВЕРНЫХ КРЕСТЬЯН

III. Назвятие и варьирование образа

I.

Былинные образы, усвоенные северным крестьянством, не превратились в его среде в окаменелость, в нечто совершенно застывшее. Они продолжали жить, как жили и раньше, живой творческой жизнью, углубляясь, дополняясь и развертываясь, приобретая те или иные оттенки в зависимости от личного восприятия и понимания, от вкусов и склонностей отдельных сказителей, но всегда в свете общих представлений северного крестьянства.

На варьирование деталей внутри самого образа обращено было внимание еще со времени Гильфердинга. Именно в этом процессе по преимуществу и видели проявление «личной стихии».

Однако вариативность сводили часто к фактам чисто механического характера, влекущим как раз порчу текста. М. Колосов писал в своей рецензии на сборник «Онежские былины»: «Правда, сравнение былин, записанных Гильфердингом, с соответствующими былинами сборника Рыбникова показывает, что певцы допускают при пении некоторые изменения, но изменения эти следствие не творчества, а забвения частностей завещанного от отцов и дедов материала. Вместо одних оборотов находим другие, вместо такого-то имени иное (иногда совершенно неподходящее), вот чем в большей части случаев различаются новые варианты от прежде известных».¹ Но вместе

34

с тем, уже некоторые исследователи, даже те, которые определяли эпос как творчество застывшее, не могли не заметить в этой вариативности, рядом с механическими моментами, и наличия явлений творческого порядка. Так, например, Вс. Миллер, исходя из наблюдений Гильфердинга, следующим образом формулирует процесс: «Не нарушая сложившегося типа богатыря, сказители могут по своему вкусу подчеркивать ту или другую его сторону, подбеляя или подчерняя его нравственный характер».¹ Однако варьирование в эпосе, в лучшем случае, все же понималось лишь как выбор тех или иных черт из общего эпического запаса.

Изучение текстов убеждает нас в гораздо более значительной творческой работе северных сказителей над чеканкой, углублением и расширением содержания образа, чем отмеченная выше вариативность деталей; оно позволяет также наметить главные линии процесса.

Здесь мы сталкиваемся с очень большими трудностями, поскольку приходится иметь дело только с поздними записями и нет того раннего материала, с которым можно было бы их сопоставить. В большинстве случаев творческая работа крестьянских сказителей XVIII–XX вв. вырисовывается на основе тщательного сличения вариантов, при котором выделяется традиционный устоявшийся мотив и затем последующие его видоизменения. Лишь в некоторых случаях позднейшие привнесения становятся ясны после сличения записей XIX–XX вв. с известными нам немногочисленными записями XVII, XVIII и начала XIX вв.

В основном, процесс развития эпического образа сводится к следующему. Намеченная в предыдущем периоде характеристика богатыря, его нравственный и социальный облик получают на поздней стадии полную и детальную разработку, дополняясь целым рядом новых черт. Одновременно происходит усиление социальных противопоставлений или путем внесения новых деталей в традиционную картину, или

¹ М. Колосов, Новые данные былевого творчества Сев. края. («Филологические записки», 1874, ??, стр. 1–7).

¹ Вс. Миллер, Очерки, I, стр. 17.

путем создания новых эпизодов. Происходит также психологизация образа. Взаимоотношения действующих лиц определяются более четко; обрисовывается также в полной мере роль каждого из них в эпосе.²

35

Процесс коснулся всех главных персонажей богатырского эпоса, более же всего центральной его фигуры – Ильи Муромца. На примере его лучше всего прослеживаются все указанные моменты.

В разработке образа Ильи Муромца прежде всего обращает внимание особое культивирование северными сказителями крестьянских черт богатыря.

Стремление любимого народного богатыря, носителя глубоко демократических черт, в образе которого отложились заветные народные идеалы, сделать и по происхождению представителем широких народных масс – крестьянином – явилось совершенно естественным моментом в развитии образа Ильи Муромца. Когда именно и где это произошло, мы определенно сказать не можем. Мотив крестьянского происхождения Ильи Муромца впервые находим в записи сюжета об Илье Муромце и Соловье-разбойнике в двух прозаических пересказах второй половины XVIII в.¹ и затем в нескольких записях таких же прозаических «историй» об Илье Муромце начала XIX в.² Но мотив этот в ранних записях еще не устойчив. Большинство их этого мотива не знают. В них Илья Муромец чаще всего именуется «уроженцем» города Морова или Муром. Нет этого мотива и в тексте былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике сборника Кирши Данилова. О крестьянском происхождении богатыря в ранних записях иногда не говорится даже при наличии рассказа о его детстве и исцелении, тогда как в былинах и сказках об исцелении Ильи Муромца, записанных в XIX в., этот мотив становится уже традиционным. Это и дает нам право мотив крестьянского происхождения Ильи считать не исконным, а внесенным впоследствии. Самый сюжет об исцелении, с которым по преимуществу и связан мотив крестьянства Ильи Муромца, сложился, как показало исследование, в позднее время, не ранее XVI–XVII вв.³

Будучи вызван к жизни желанием округлить и пополнить сложившуюся уже к тому времени в основном поэтическую биографию богатыря, сюжет этот получил широкое повсеместное распространение в виде прозаического рассказа, былины-сказки.

36

Поэтому нет никаких оснований ни данный сюжет, ни мотив крестьянского происхождения Ильи Муромца прикрешать именно к Северу. Но целый ряд деталей, направленных на усиление крестьянского облика Ильи Муромца, принадлежит уже северным певцам.

В былинную об исцелении вошел и стал в ней традиционным мотив корчевания Ильей Муромцем поля, как первое проявление его богатырства. Илья Муромец здесь не просто «избывает» излишек силы¹ – он делает первостепенную по важности работу, совершает подвиг труда, аналогичный трудовым подвигам другого богатыря-крестьянина Микулы

² Явления эти не замыкаются, конечно, в пределах Севера. Поскольку они характеризуют позднейшую стадию, они наблюдаются и в былинах Сибири, и в некоторых отдельных вариантах из средней России. Но наиболее яркое выражение получили они именно на Севере, в силу наибольшей жизненности и интенсивности здесь эпической традиции.

¹ Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер, Русские былины старой и новой записи, М., 1894, отд. I, № 5, стр. 11–24; Б. Соколов, Былины старинной записи. «Этнография», 1927, № 1, стр. 117.

² См. вторую из указанных работ, «Этнография», 1927, № 2, стр. 302 и др.

³ См. Вс. Миллер, К былинам об Илье Муромце. Очерки, I, стр. 362.

¹ Ср. в мезенском варианте о получении Ильей силы от умирающего Святогора (Григ., III, № 50, стихи 191–193):

А сделалась в ём сила необъятна тут,
А да девацьсе ему стало тут ведь некуда,
А ише рвал он тут пеня да всё как дубьё он.

Селяниновича – очищает участок от леса и кореньев для пашни.²

В этом традиционном эпизоде северными сказителями тщательно и любовно выписываются детали. Особенно подчеркивается трудность работы для обыкновенного человека, не богатыря. Родители Ильи говорят:

«Работали мы три дня и три ночи,
Не могли бы мы сделать половиночки».³

Отмечается также все значение подвига Ильи. В варианте М. С. Крюковой родители, рассказывая о том, что какой-то богатырь во время их сна очистил лесные пространства под пашню, с глубоким удовлетворением замечают:

«Тут поля да будут чистыи,
Для хлебушка будут очень удобные».⁴

Варьируется самая форма применения Ильей Муромцем силы в крестьянской работе. Рядом с традиционной картиной очистки пашни находим другую, чрезвычайно своеобразно рисующую типично крестьянские заботы и хлопоты Ильи Муромца:

«А пошел он как хранить полё ётцовское,
Он завидел-ле в поли ноньци скот ходит,
Он как из поля скота ноньце выганивал,

37

Как полё-то сырм дубьем огораживал,
Он ведь рвал тут как дубьицо с кореньицом,
Он оклал, огородил людям на юдивленьицо,
Как пришли его отец-ле, ронна матушка,
Как пришли они, увидели своё полё,
Кабы всё оно как дубьями заклажено,
Они тут как бы сами удивилисе:
«Кабы шчо эки чудеса у нас сотворилися?»¹

Можно предположить, что особое выделение крестьянских черт Ильи Муромца скорее всего начинается с того времени, когда усиливается социальная дифференциация, так как крестьянство Ильи по-иному окрашивает все внутренние отношения, изображенные в былине. Если Илья Муромец вообще выделяется среди других богатырей, как образ героя, в котором отложились наиболее идеальные черты, то в былинах, где подчеркивается его крестьянское происхождение, он противопоставляется богатырям – представителям других социальных групп. Образ беспомощного жалкого князя тоже получает новый социальный смысл: князя и его «князей-бояр» и все население выручает из беды выходец из крестьянской массы.

Фигура богатыря-крестьянина, превосходящего в силе, храбрости, высоких нравственных свойствах всех окружающих, первого среди других богатырей, чрезвычайно импонирует северному крестьянству, в котором особые исторические условия – свобода от крепостного права, длительная борьба с суровой природой, характер северных промыслов – выработали в сильнейшей степени чувство независимости и сознание своего достоинства.² Вот почему северная былина особенно подчеркивает в повествовании о героических делах богатыря его крестьянское происхождение.

² Мотив корчевания находим в тех сказках о сиднях, на основе которых сложился сюжет об исцелении.

³ Вариант И. Г. Чванова из Заонежья. Запись 1932 г.

⁴ Моя запись 1937 г. Рукоп. хранил. отдела фольклора Ин-та литературы АН СССР, колл. 90.

¹ Онч., № 53, стихи 47–57.

² Это отмечают и подчеркивают все фольклористы-этнографы, касаясь вопроса о характере северного крестьянина. См., например, характеристику Трофима Рябина у П. Н. Рыбникова в «Заметке собирателя» (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, 2-е издание, т. I, стр. LXXIX»).

Мотив этот осложняет и социально заостряет традиционный «эпизод недоверия» в былине об Илье Муромце и Соловье-разбойнике.³ Классический вариант этой быliny

38

Трофима Григорьевича Рябинина (Гильф., № 74) строит этот эпизод именно так, чтобы привести к апофеозу крестьянского происхождения Ильи Муромца.

Сообщение богатыря о том, что он приехал дорогой прямоезжей, вызывает у князя Владимира и его окружающих недоверие и насмешки: «Ай же, мужичицо деревенщина, во глазах мужик да подлыгаешься, во глазах мужик да насмехаешься!» В данном случае это не простая бранная презрительная кличка. Недоверие и насмешки опираются на действительно крестьянское происхождение приехавшего богатыря. В свете этого все происходящее потом – демонстрирование Ильей Соловья-разбойника, смертельный испуг всех присутствующих, включая и князя Владимира с княгиней, – становится торжеством «деревенщины».

Этот мотив и указанная направленность быliny о Соловье-разбойнике прочно входят в последующую традицию; особенно выдерживается данный момент современными сказителями, вообще чрезвычайно чуткими и восприимчивыми к социальным сторонам эпоса. У А. М. Пашковой Илья Муромец в ответ на традиционный вопрос князя об отце-матери сразу открывает свое крестьянское происхождение, что и вызывает насмешки присутствующих; обвинение приехавшего «деревенщины» в наглом бахвальстве приписывается здесь уже не князю, а Алеше Поповичу, традиционному на позднейшем этапе развития эпоса задиру и разжигателю ссор и конфликтов.¹

Характерна при этом тенденция некоторых современных сказителей особенно подчеркнуть принадлежность Ильи Муромца к трудовым слоям крестьянства. В варианте И. Г. Иванова («Быliny Севера», т. II, № 107) Илья Муромец так отвечает на вопрос князя о «роде-племени»:

«Я не купецкий сын – сын кресьянина,
Сын кресьянина не богатово,
Не богатово, а бедново».²

39

В той же былине выше, в ответ на просьбу калик принести им браги, Илья Муромец говорит:

«Ай вы гой еси, стародавнии люди,
Я из бедново положения,
И от бедных от родителей от трудящих,
Нету у нас браги хлебной».¹

То же мы видим и у другого заонежского сказителя В. В. Амосова: в его былине о Соловье-разбойнике Илья Муромец на тот же вопрос князя о «роде-племени» отвечает: «Я роду бедноно, родители вроде как просят».²

³ Эпизод этот встречаем в записях XVIII в. См., например, в публикации Б. М. Соколова («Этнография», 1927, № 1, стр. 121): «И князь спрашивал: «Которою дорогою ехал из Муромца?» – «Я, государь, ехал из Муромца на Чернегов град, и под Чернеговом побил войско бусурманское, и смерти нет, и очистил Чернегов град; и оттуда прямою дорогою поехал и взял синова богатыря Соловья Разбойника, которова и привезь с собою у стремени булатнова». Но князь осердьясь: «Что ты обманываешь?» И как его услышали богатири Алеша Поповичь да Добрыня Никитичь, бросились смотреть, и увидели и князя уверили, што справедливо так. И приказал князь поднести кубок зелена вина доброму молодцу».

¹ См. «Быliny Пудоожского края», стр. 95.

² Стихи 521–524.

¹ Стихи 32–35.

² Рукоп. хранил. отд. фольклора, колл. 26, запись 1931 г.

Особенно яркими деталями насыщает эпизод недоверия в былине о Соловье-разбойнике М. С. Крюкова.

Когда Илья Муромец появляется на пиру у князя Владимира, тот хочет посадить его за стол с князьями-боярами. Но они возмущаются:

«Это что будет во свете же?
Деревенщина сидеть будет
С нами, со боярами,
Со столовыми со дворяныма?»

И князь Владимир садит его тогда «во столик во задний же»,

Со тыма ли со сиротами, с безотнима,
Со безотнима, со бесприютныма.

Дети боярские и дворянские «изгиляются» над Ильей Муромцем. А когда Илья говорит, что привез Соловья-разбойника, бояре требуют «засадить деревенщину в тёмну темницу, заключить ею в злодейку незнакомую, заморить-то ею смертью голодною». Илья Муромец оскорблен и разгневан:

Он скакал тогда да на резвы ноги,
Начял правой ножечкой пол да потаптывать,
Белой ручушкой помахивать:
«Ай, бояра вы все да кособрюхие,
Если вы, невежи, всё не верите,
Вы пойдёмте-тко на широкой двор».

И далее следует изображение торжества «деревенщины» над князем и боярами.³

40

В связи с включением в былинную о Соловье-разбойнике мотива крестьянского происхождения Ильи Муромца интересно варьирование тех именно деталей последней части быliny, которые и создают контраст между Ильей Муромцем и князем Владимиром с его князьями-боярами, а иногда и другими богатырями. Традиционный заключительный эпизод дает простор для индивидуальных оттенков, для усиления или ослабления социального акцента, перенесения его то на князя, то на бояр.

В варианте Фепонова из Пудогги, например, данный эпизод передан следующим образом:

А все ли заходили окаракою,
А князь-то Владимир, он со стула пал,
А три час? он князь да без души лежал.¹

В варианте Гаврилы Леонтьевича Крюкова из Зимней Золотицы, записанном Марковым, Илья Муромец хватает князя и княгиню под пазуху:

А как дёржит-то их в охапочки.²

Очень оригинален и свеж образ, данный крестьянином Пантелеевым (из д. Ченежи, бывш. Пудожского уезда), от которого произведена была запись в 1904 г. Н. С. Шайжиным:

У Солнышка вси на пиру перепалисе,
Идны плавают окаракою,
А идны чуть живы лежат,
А старой казак сидит на лавочки,

³ Рукоп. хранил. отд. фольклора, колл. 90.

¹ Гильф., № 56, стихи 261–263.

² Марк., стр. 351.

Смеется он во всю голову.³

Почти те же детали находим в варианте современного пудожского сказителя О. И. Дмитриева:

От рыку от звериного,
А от свисту от змеиного,
А солнышко князь стольно-киевский
Чуть не замертво лежит на зени
Да катается со своими богатырями.
А старой казак да усмехается.⁴

41

Но у Дмитриева эффект этой картины усилен еще тем, что Соловей свистит не в полный свист (вопреки приказу Ильи свистеть «в полсвиста»), а лишь «во девятую часть» и даже «во десятую».¹ Интересно то усиление комизма в унаследованной от предков картине испуга, которое находим у современного сказителя П. И. Рябина:

А Владимир-князь да стольно-киевской,
А он по двору да в круги бегаёт,
Куньей шубкою да укрывается.²

Эти оттенки и изменения в деталях, дающиеся в плане традиционной картины, связанной с основным художественным замыслом (возвеличение Ильи Муромца), получают особое социальное заострение в свете осмысления центрального образа героя, как богатыря-крестьянина.

2.

Усиление социальных противопоставлений путем подчеркивания крестьянского происхождения героя наблюдаем и в былинах, посвященных другим богатырям. Очевидно, под влиянием образа богатыря-крестьянина Ильи Муромца появляется стремление у некоторых сказителей сделать крестьянином и Добрыню. В варианте Калинина с Повенецкого побережья (Гильф., № 5) Добрыня выдвигает свое крестьянское происхождение как сословную преграду к женитьбе на Забаве Путятичне:

«Ах ты, молода Забава дочь Потятична!
Вы есть нуньчу роду княженецкого,
Я есть роду христианьского:
Нас нельзя назвать же другом да любимым».³

Этот неожиданный мотив придает особую окраску подвигу змеборства и освобождения «полону русского»: героем опять-таки является богатырь-крестьянин.

В былине И. Т. Фофанова «Кострюк» отмечено и подчеркнуто крестьянское происхождение трех братьев, победителей

42

иноземного богатыря, замесивших в борьбе с ним отсутствующих русских богатырей.

У того ли у князя да у моськовского,

³ Н. С. Шайжин, Олонецкий фольклор. Петрозаводск, 1906, стр. 105.

⁴ «Былины Пудожского края», № 62, стихи 130–137.

¹ «Былины Пудожского края», № 62, см. стихи 126–129.

² Былины П. И. Рябина-Андреева, № 2, стихи 290–292. Курсивом выделен стих, внесенный П. И. Рябиным. Эту деталь встречаем в былине о Дунас, записанной от его отца Ивана Герасимовича, в изображении короля Лихоминского.

³ Гильф., I, стр. 48.

У того ли Василия у Грозного
Богатырей как нунько не случилось,
А молодчов как тут не пригодилося.
Во этом во городе моськовскоём
Случилось три брата три крестьянских.¹

Очень искусно углубляет социальные мотивы А. М. Пашкова в былине «Вольга Всеславьевич и Микула Селянинович», замысел которой вообще заключается в противопоставлении богатыря-пахаря князю и в выделении превосходства первого. У Пашковой, когда Вольга, ввиду опасности своей поездки, зовет Микулу ехать с ним «во товарищах», богатырь иронически замечает:

«Не срамись, удалой добрый молодец,
У тебя есть дружинушка хоробрая,
А немало-немного – три десяточка».²

В дальнейшем оказывается, что вся эта дружина не в состоянии вытащить сошки пахаря из земли. Это вызывает новое ироническое замечание Микулы:

«А стар мошник,³ верно, наварны щи,
А молоды черятки, да черви в них».⁴

Не может поднять сохи и сам Вольга. И он констатирует, что при всех своих столь важных в военном деле способностях и знаниях («рыбой-щукою ходил я во сини?х морях, серым волком рыскал я во темны?х лесах») ему не хватает «премудрости» – «орать-пахать да крестьянствовать».⁵

Крестьянский образ Микулы в его противопоставлении князю получает значительное углубление и расширение у Марфы Крюковой. В былинну о Вольге и Микуле она вводит новый оригинальный момент. Когда Вольга приглашает Микулу ехать с ним «во товарищах», пахарь возражает:

«Ай ты, Вольга Святославлевич!
Не во времечко, Вольга, ты приехал ко мне,

43

У меня два-то полюшка не вспаханы,
Не вспаханы поля, не взборонены,
Житушком поля не засеяны».¹

И тогда Вольга решает подождать, пока Микула закончит работы.

3.

Со всей тщательностью разрабатывается моральный облик богатыря-крестьянина. Илья Муромец является носителем человеколюбия, великодушия, бескорыстия. В какой мере эти черты были уже намечены в первоначальный период формирования эпоса, мы не знаем. В записях XVIII в. они присутствуют.² На Севере они не только бережно сохраняются, но особенно выделяются, подчеркиваются, дополняются новыми характерными штрихами, находят выражение и воплощение в новых поступках героя.

¹ «Былины Пудожского края», стр. 257.

² «Былины Пудожского края», стр. 129.

³ Глухарь.

⁴ «Былины Пудожского края», стр. 130.

⁵ Там же, стр. 130.

¹ Моя запись 1937 г. Рукоп. хранил. отд. фольклора. См. вариант в книге «Былины М. С. Крюковой», I, стр. 406, стихи 382–387.

² См., напр., «Этнография», 1927, № 1, стр. 119 и др.

В былинах о трех поездках Ильи Муромца³ дорога «где богату быть» – обычно, по традиции, третья, последняя поездка богатыря. Два раза последовательно он отвергает этот путь, мотивируя: «А на что мне, старому, богатство». Печорская сказительница А. А. Носова так развивает этот мотив;

«С молодю было богатство не нажито,
На старости мне – душа пагуба».⁴

Обычно также Илья Муромец найденное им богатство не берет себе, а отдает на церкви и монастыри. В одном выгозерском варианте, в соответствии с общим уже определившимся своим обликом друга народа, Илья Муромец раздает богатство нищим и сиротам:

И роздавал это злато-серебро по нищей по братии,
И роздал он злато-серебро по сиротам да бесприютным.⁵

В былине мезенского сказителя К. И. Михеева (запись 1928 г.) «Илья Муромец и казна монастырская», представляющей приурочение к Илье песенного сюжета о молодце, отнявшем

44

у разбойников награбленную ими монастырскую казну, Илья Муромец тоже раздает ее «по миру», а не пропивает в кабаке, как это делает обычно в песне молодец.¹

Чрезвычайно тонко и своеобразно разработан этот мотив бескорыстия Ильи Муромца в былинах М. С. Крюковой. В записи 1934 г. былины о трех поездках Ильи Муромца, наехав на «анбары с казной», пишет на них краткую, но выразительную надпись:

«Не прельстился я – не надобно».²

В позднейшей редакции 1937 г., узнав о предназначенном ему богатстве, богатырь молится, чтобы богатство досталось другому. Когда же на дверях подвалов оказывается надпись, что богатство принадлежит именно ему, Илья недоумевает:

«Мне за что такое богатъсьвице?
Почему дарят, как мне не надобно?»³

Как и в раннем варианте, Илья замыкает подвалы, не беря ничего. Он оставляет в замке ключи, заговаривая их, чтобы они достались «не скупому, не гордому и не злопамятному», а «умному-разумному, ишшо тихому да кроткому».

Будучи лично бескорыстен, Илья Муромец является также выразителем определенных моральных принципов в отношении богатства и его приобретения. В той же былине Марфы Крюковой о трех поездках, в эпизоде встречи богатыря с «камышничками», Илья стыдит атаманов шайки, двух братьев Борисовых:

«Вам не стыдно ли, родны братьяца,
В эти дела напуститися?
Ведь вы были млады рыцари,
Про вас слава шла, чесь великая.
Вы прельстились на богатъсьвице,
На многосчѣтну золоту казну,

³ Существует вполне вероятное предположение, что эта поздняя былина – вообще создание северных крестьян. См. Вс. Миллер, Очерки, III, стр. 142–143.

⁴ «Поэзия Печоры», стр. 15.

⁵ Гильф., № 171, стихи 165–166.

¹ «Былины Севера», 1, стр. 227.

² Запись В. П. Чужимова. Рукоп. хранил. отд. фольклора, колл. 72.

³ Запись моя. Рукоп. хранил. отд. фольклора, колл. 90.

Как на чистое на серебро,
На самоцветны дороги камешки».

И под влиянием укоров Ильи братья решают оставить разбой.

Аналогичный мотив, но в несколько ином применении находим также в сводной былине об Илье Муромце А. М. Пашковой.

45

В подвалах, где по надписи должно быть золото-серебро, богатырь обнаруживает «тридцать молодцев без единого», попавшихся на приманку богатством. И Илья Муромец их укоряет:

«Ох вы, русские могучие богатыри,
Вы на что да тут приобзарились?»

И дальше, выведя их на свободу, наставляет:

«Наживайте-ко богатство трудом честным».¹

Вместе с бескорыстием подчеркивается в Илье Муромце отсутствие тщеславия, погони за высоким положением и славой. И также эти, быть может уже и в ранний период созданные, черты облика идеального богатыря находят в позднейшем сказительстве новое своеобразное выражение и богатую расцветку.

В освобожденных Ильей Муромцем городах (Краков, Чернигов и др.) ему неизменно предлагают княжества, место управителя, подарки – Илья Муромец от всего отказывается. Этот традиционный мотив, связанный первоначально с сюжетом ранней былины о первой поездке Ильи (освобождение Чернигова перед встречей с Соловьем-разбойником), потом переносится и в другие былины. Иногда он развернут в направлении общей обрисовки богатыря, сознающего всю ответственность своего положения и преданного великой богатырской задаче.

«Мне богатьсьвицё не к надобью,
Не к надобью, не надобно,
Цеть да славушка не надобна».

И далее следует мотивировка:

«Я ведь, еду не на гуляньице,
Не на веселое заседаньице,
Я ведь еду на подвиги те на бохатырские».²

Также постоянно выделяются в образе любимого богатыря отсутствие жестокости, его великодушие, глубокая человечность. Мы не знаем, когда именно вошел в эпос известный мотив завета родителей – не проливать даром человеческой крови. Вероятнее всего – уже в более позднее время, вместе

46

с сюжетом об исцелении Ильи.¹ Северными сказителями этот мотив глубоко освоен, и они на конкретном поведении богатыря показывают, как родительский завет сопровождает всю его богатырскую деятельность. Верный ему, Илья Муромец иногда щадит разбойников и лишь пугает их, а затем заставляет их дать обет сделаться «добрыми

¹ «Былины Пудожского края», стр. 92.

² Марфа Крюкова, Первая поездка Ильи Муромца. Запись моя 1937 г. Рукоп. хранил. отд. фольклора, колл. 90.

¹ Мотив завета находим в записях XVIII в. Наиболее яркая и выразительная формула этого завета заключена в варианте сборника Киреевского, т. I, стр. 34 («Я на добрые дела тебе благословенье дам...» и т. д.). В северных вариантах встречаем многочисленные вариации этой формулы, см. «Былины Севера», т. I, стр. 330, 502 и др.

людьми» и не «подорожничать».² У Соловья-разбойника он убивает коварную дочь-змею, которая пыталась убить его, и оставляет в живых всю остальную семью³ и т. д. В творчестве М. С. Крюковой особенно излюбленным мотивом является следующий: победив чужеземного богатыря, Илья Муромец предлагает ему «мириться», обещает его «спустить живым назад», но под условием дать «клятву великую» –

«Не ездить на свету же Русь,
На свету-то Русь, в каменну Москву;
Во-вторых, тебе не ездить в славный Новгород,
Как ни ездить тебе в славной Киев-град».⁴

И он убивает богатыря лишь после того, как убеждается, что враждебные намерения и злоба богатыря непоколебимы:

«Кабы была жива теперь эта головушка,
Она побила всех, погубила всех богатырей,
Много наделала вреду на святой Руси,
Погубила много городов славных русских всё».⁵

В этом случае Илья Муромец беспощаден и не останавливается даже перед убийством своего родного сына. Именно неискоренимостью в нем злого начала, опасного для родины, северные сказители постоянно мотивируют традиционную развязку.

У Марфы Крюковой Илья Муромец и других богатырей, едущих на поединок, напутствует такими же наставлениями.

47

Отправляя Добрыню навстречу королевичу Задонскому, он говорит, что если королевич будет «славно-тихо обходиться» – надо пощадить его.

4.

Особенно полно разработан образ Ильи Муромца как оберегателя родной земли и народа.

Тема защиты родины, центральная в богатырском эпосе, вообще подвергалась тщательной и детальной разработке. В традиционное повествование о нападении врага и неожиданном спасителе-богатыре постоянно вводится формула общенародного служения. В былине о Кудреванище мезенского сказителя М. В. Семенова (запись 1928 г.) княгиня Апраксия обращается к Илье Муромцу со следующими словами:

«Уж ты хой еси, Илья да Илья Муромець,
Ты постой-ко-се за веру да за правую,
Не за князя Владимира, не за меня, Апраксею,
А за тот народ крещонный».

В ответе Ильи снова выделяется тот же мотив:

«Говорил-то Илеюшко да таково слово:
«Я не ради вас, не ради князя Владимира,
А за ту ведь Русь да крещоную».¹

В прозаическом пересказе И. Лопинцева былины об Илье Муромце богатырь

² Так же встречаем в старых записях. См., например, «Этнография», 1927, № 1, стр. 119. Из записей XIX в. см., например, Гильф., № 197, Григ., №№ 10, 141, 152 и др.

³ Напр., у Гильф., № 56.

⁴ «Илья Муромец на заставе». Моя запись 1937 г. Рукоп. хранил. отд. фольклора, колл. 90.

⁵ «Илья Муромец на заставе»; тот же мотив в былинах «Илья Муромец и Подсокольник» и «Битва Ильи Муромца с татаринном».

¹ «Былины Севера», I, № 33, стихи 85–92.

оставляет сыну следующую заповедь: «Ты не бойся на свете никого. Защищай ты свою родину и учи сына защищать родину».²

Аграфена Крюкова к своему варианту былины об Илье Муромце и Добрыне присоединяет особую концовку, которая выражает всегдашнюю готовность богатырей стоять «шьчо за землю-ту нам шьчобы Святорусьскую».³ Марфа Крюкова в целый ряд своих былин вводит рассказ о разъездах богатырей по окрестностям для их осмотра и для проверки, нет ли где случайного врага.⁴

48

Особенно большой художественной силы и убедительности достигают героические молитвы в былинах об отражении врага, когда эти былины контаминируются с сюжетом ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром. Эти контаминированные былины четко формулируют основную идею героического эпоса и ярко выделяют героические черты в образе Ильи Муромца и других богатырей, подчиняющих свои личные обиды, свои личные настроения великой задаче защиты родины. Сам сюжет о ссоре, как предполагают исследователи, довольно поздний: возник он на основе оппозиционных настроений народных масс в начале XVII в.¹ В виде самостоятельной былины он записан в немногих вариантах,² но в качестве составной части других былин, преимущественно о нападении Калина, Кудреванки и др., получил широкое распространение.³ Поскольку позднее происхождение сюжета очевидно, мы вправе относить как раз к северному периоду всю основную творческую работу по созданию указанных контаминаций, иначе говоря – работу по дальнейшему развитию и углублению героических образов эпоса.

Идея защиты получила, как известно, яркое воплощение также в картине богатырской заставы. Эта картина любовно культивируется северными сказителями, сообщающими традиционному образу новые оттенки и краски.

Примеров различных вариаций этого образа можно привести множество.⁴

Но если русские богатыри вообще являются в эпосе носителями идеи защиты родины, то особенно данный мотив развернут в применении к Илье Муромцу.

Когда богатыри в шатре на заставе спят, Илья Муромец один «он спать не спал, а только так лежал, только так лежал, да думу думал он», – т. е. думу о приезде враге богатыре, следы которого были им замечены днем, – таков, например, образ «оберегателя», созданный Марфой Крюковой.⁵

49

Свою былинку о первой поездке Ильи Муромца А. М. Пашкова заключает совершенно необычной концовкой: после последней сцены с Соловьем-разбойником (демонстрирование свиста и казнь Соловья) князь Владимир приказывает слугам вести богатыря в горницу и угощать его там должным образом; Илья Муромец тогда говорит:

«Я не гось приехал да не угощатся,
А приехал с вами побрататся,
Послужить вам верой-правдою

² Запись в Кандалакше 1933 г. Текст включен во ?? ?ом «Былин Севера».

³ Марк., № 46, стихи 146–151.

⁴ См., например, «Былины М. С. Крюковой», т. I, стр. 90, 124, 258, 307 и др.

¹ Вс. Миллер, Очерки, II, стр. 315–338.

² См. список вариантов в книге «Былины Пудожского края», стр. 463. Кроме того, «Песни донского казачества», Сталинград, 1937, стр. 92; «Былины Пудожского края», № 2. Записан также вариант от Ф. А. Конашкова. Рукоп. хранил. отдела фольклора.

³ См. об этом в главе IV.

⁴ См., например, оригинальные вариации у Онч., № 1; Марк., № 4, «Былины Севера», I, № 11 и др.

⁵ Былина о Подсокольнике. Моя запись 1937 г. Рукоп. хранил. отд. фольклора, колл. 90.

А за тую Русь да православную».¹

В варианте А. А. Носовой с Печоры (запись 1942 г.) Илья Муромец называется «защитой великой, обороной надсейной».²

В былинах обнаруживаем много случаев оригинальной обрисовки Ильи Муромца как защитника родины и народа.

Ограничимся лишь некоторыми примерами из вариантов М. С. Крюковой, в творчестве которой образ Ильи Муромца получил наиболее полное и завершённое выражение.

Крюкова не только полностью осваивает созданный уже до нее идеальный образ героя, не только собирает все его идеальные черты, рассыпанные по многочисленным былинам, о нем, но еще и усиливает и углубляет некоторые из этих черт, давая их в своем оригинальном освещении. В изображении Крюковой Илья Муромец не только верный оберегатель, носитель идеи защиты страны и мирного труда, он заботливый хозяин и «управитель самый старший». Былины Крюковой рисуют его в постоянных разъездах по родной земле, осматривающим «всё управленьице», проверяющим сторожевые посты, распределяющим и направляющим силы богатырей. Недаром даже дети в Киеве, играющие в богатырей и рыцарей, «старшого» своего называют «управушкой», «называют его Ильей Муромцем» («Илья Муромец – незванный гость», запись 1937 г.). В уста же самого богатыря сказительница вкладывает следующие слова о выполняемой им жизненной задаче:

«Когда очи мои яснешеньки закроютца,
Тогда ведь работушка закроетца,
Вот закроетца работушка, забудетца,
Не позовут меня, старого, из могилушки».³

50

Илья Муромец совершает разъезды и по другим странам. Он неустанно разыскивает иностранных богатырей, замышляющих зло против его родины, –

Он держал-то битвы богатырьския,
Никто из них не мог победить его.¹

Эта непрерывная и самоотверженная деятельность хорошо передана через черты внешнего облика богатыря, возвращающегося после одного из таких разъездов.

«Вот прошло, прошло времечко, прокатилосе,
Илья Муромец у нас гулял, разгуливал,
Не по играм он ездил, он не по забавушкам,
Не в пирах-то он сидел, на заседаньицах,
Не в весёлом-то сидел он в пированьице.
Вот он ездил всё, разъезживал во городах да
восточных,
Всё ведь платье богатырьское избилося,
Вот избилося, отрепалосе,
Как сапожочки его же всё сафьяныя
От красного солнышка прирастрескались.
Э и на головушке его же была шляпочка,
Вот была его шляпочка пуховая,
Вот пуховая была славна Царяграда,

¹ «Былины Пудожского края», стр. 98.

² «Поэзия Печоры», стр. 15.

³ «Илья Муромец на заставе». Этот и все последующие примеры берутся из моих записей 1937 г., находящихся в Рукоп. хранил. отд. фольклора, колл. 90.

¹ «Илья Муромец – незванный гость».

А и во лесах, лесах дремучих
А и его шляпочка пуховая порвалась, скажем.²

Одно имя Ильи Муромца удерживает врага. Когда же разносится весть, «что ведь нету в живых-то Ильи Муромца», неверные земли «зволновались они все, затрелились», «собирать-то стали, скоплять да силу-армию» –

Захотели они тогда идти войной боем на светую Русь,
На светую Русь идти же в славный Киев-град.³

Мотив этот разработан еще в предыдущей традиции. Но Крюкова развертывает и оформляет его по-своему. Она вкладывает в уста самого врага признание этого значения для Руси Ильи Муромца. Калин-царь, угрожая князю Владимиру, говорит:

51

«Теперь некою мне боягыця ведь в Киеве:
Теперь нету у вас старого, седатого,
Вот седатого у вас сильня богатыря,
Как Ильи у вас нету, Ильи Муромця».¹

Крюкова также рисует общую тревогу, порожденную долгим отсутствием Ильи Муромца:

«Князь тужил, тужили все богатыри.
... ..
Жалко было всем богатыря славного киевского,
Управителя самого старшего».²

Одна из былин замечательно передает все нетерпение князя Владимира в ожидании Ильи Муромца:

«Как скучал, скучал об ём всё Владимир князь,
Вот Владимир князь скучал да Святославович
Он в окошечко-то часто поглядывал,
Вот поглядывал князь же, всё просматривал,
Вот не едет ли Илья из чиста поля».³

Крюкова создает новые эпизоды, обрисовывающие в Илье Муромце чувство долга и ответственности, обостренное сознанием своего значения, мыслью о том, что «нету старому заменушки». В одной из былин, например, рассказывается, что Илье Муромцу, который только что возвратился из дальней поездки, хочется ехать и в Киев, и к родителям, но чувство долга побуждает его ехать прежде всего на заставу, чтобы осмотреть и проверить ее.

Отмеченный выше образ Ильи Муромца, бодрствующего в шатре, в то время как другие богатыри спокойно отдыхают («а и он спать не спал, а только так лежал»), проходит через ряд былин: «Илья Муромец и Подсокольник», «Женитьба князя Владимира» и др.

В заключительной части былинны о трех поездках особенно выпукло переданы роль и значение Ильи Муромца как борца за мирную жизнь и благосостояние народа:

«Но очистил я ту дорожку правую,
Чтобы не было народ в погибели,
Во погибели, в несчастьи,

² Там же.

³ «Подарок князя Владимира» (сюжет ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром).

¹ «Подарок князя Владимира» (сюжет ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром).

² «Илья Муромец – незванный гость».

³ «Подарок князя Владимира».

Чтобы всё было по-хорошему,
По-хорошему да по счастливому».

Мотив этот свойственен и многим другим вариантам былины о трех поездках. В надписях на камне при распутье на разные лады варьируется определение победы Ильи Муромца над разбойниками, как подвига «замирения» дороги в борьбе за безопасную жизнь и мирный труд.

В поморском варианте У. С. Ерловой из с. Калгалакши (запись 1935 г.) этот мотив выражен следующими словами:

«Поезжайте, православные, без опаси
В пути торные эти дороженьки:
Нет больше воров-разбойников,
Не станут они губить буйны головы».¹

А. Г. Рохмистрова из Пертозера дает такую формулировку:

«Замирил дороженьку старой казак Илья Муромец,
И проторил дороженьку старой казак Илья Муромец».²

В варианте Н. А. Ростовцевой из Сумского Посада говорится:

«Да поезжайте в ту дороженьку,
Без боязни, без опасности:
Да я убил всех разбойников,
Сорок тысяч подорожников».³

Вместе с развитием образа Ильи Муромца как «оберегателя» любимому богатырю начинают приписывать и определенные элементы деятельности созидательной. В этом плане переосмыслиется известный эпизод проезда Ильи по непроходимым Брянским лесам. Сперва, очевидно, в этот эпизод внесены были картинные детали вырывания Ильей Муромцем деревьев, преграждающих путь, и «намащивания моста», т. е. закидывания болот и топей бревнами и сучьями для прохода:

А как он приехал к лесу темному,
Сходил-то он да со добра коня,
А левой рукой-то он коня ведёт,
А правой рукой дубье рвёт да ведь с коирнём,
С коринём рвёт да ведь мост мостит.⁴

Позднее этот эпизод начинает передаваться, как изображение постройки дороги:

Верстовые столбики он повывставил,
Калиновы мостики повымостил.¹

То же в более развернутом виде у П. И. Горопова в прозаическом пересказе:

«... доехал до большого болота зыбучего, тут был калинный мост. По тому мосту русские богатыри ездили всё. Некоторые мостовины по этому мосту выгнели, некоторые свалились. Вон он тогда спустил коня во чисто поле. Начал ладить мост. Этот мостик, мостовинки он повыстлал, столбики повыстановил, а мост весь повывладил. На столбы

¹ Рукописн. хранил. отд. фольклора, колл. 57, запись И. Н. Этиной.

² Там же, колл. 28. Моя запись, 1933 г. Вариант включен во II том «Былин Севера».

³ Там же.

⁴ Марк., стр. 347.

¹ Былина о Соловье-разбойнике С. М. Носова с Печоры. Запись 1929 г. «Былины Севера», стр. 405.

разных птиц повывсадил».²

Образ любимого народного героя, бережно хранимый и творчески разрабатываемый, увенчивается ярким внешним его портретом – одним из шедевров северного поэтического творчества:

Ехал стар по чисту полю,
По тому раздолью широкому,
Голова бела, борода седа,
По белым грудям росстилаитси,
Как скатен жемцог россыпаетси,
Да под старым конь наобел белой,
Да ведь хвост и грив' науцёр цёрна.³

5.

Должно быть, уже рано Илья Муромец занял в эпосе первенствующее место среди других богатырей. Об этом говорит то обстоятельство, что в некоторых былинах роль Ильи Муромца, как возглавляющего богатырскую дружину, как «атамана», «брата старшего» и т. п., органически связана с самим сюжетом (былины о Калине-царе, те именно редакции, в которых участвуют Самсон-богатырь и дружина; былина о бое Ильи Муромца с сыном).

54

В позднейшем былинном творчестве эта роль Ильи Муромца широко развернута. В самых различных формах подчеркивается высокий авторитет Ильи Муромца у других богатырей. В варианте северной быliny «Добрыня и Дунай»¹ (запись 1929 г.) Д. К. Дуркина из Усть-Цыльмы Добрыня, проехав сначала мимо вражеского «чернобархатного шатра с угрозами», возвращается затем к нему, боясь, главным образом, укора Ильи Муромца. Сказитель так изображает раздумье и колебания богатыря:

«Я приеду нонь да в стольней Киев град,
Зайду ко князю ко Владимиру,
У князя может сидит старой казак,
Старой казак да Илья Муромец.
Он и спросит у меня старой казак да таково слово:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитичь блад!
Ты уж где бывал да што слышал,
Что слышал да кого видывал?»
У меня старому сказать будет нечего,
«Видел только, – скажу, – на поле
Черной шатёр да со угрозою,
Не посмел отворить двери шатровые».
Што мне скажет на то старой казак? –
«Полно тебе, Добрыня, ездить да во чисто полё,
Дома живи да ты с бабами...»²

² «Былины Севера», стр. 504.

³ «Былины Севера», стр. 181. Образ этот в приведенном развернутом виде, очевидно, создан в северо-восточных очагах былинной традиции, так как встречается только в былинах мезенских (см. еще Григ., III, № 8, стихи 38–41).

¹ Сюжет сложился не ранее XVIII в. в северо-восточных районах русского Севера. См. об этом в главе V.

² «Былины Севера», I, стр. 461. Приведенный отрывок показывает также характерный для позднейшего эпического творчества случай психологизации образа.

М. Крюкова, чтобы подчеркнуть особое положение Ильи Муромца, создает удачный образ богатырей, жадно слушающих рассказы Ильи о совершенных им подвигах:

Тут богатыри сидели всё слушали,
Млады рыцари сидели, огледелисе,
Не одно-то словечка не пропустить же им,
Вот запомнить же тот рассказ Ильи Муромця.

Илью Муромца начинают включать в былины, в которых первоначально он не принимал участия. Например, в мезенско-беломорской группе былин о Дунае Илья Муромец – участник сватовства. Вместе с Добрыней он сопровождает Дуная. В мезенском варианте Я. Е. Гольчикова (запись 1928 г.)

55

именно Илья совершает расстановку сил. Богатыри, подъехав к «городу к Лиховинскому», «думушку думают нонь крепкую же: а кому идти да кому свататьца». И Илья Муромец решает, что свататься надо идти Дунаю:

«Он живал ле там да во служницьках,
А во служницьках да во замоцницьках,
А он в тех ли погребных да целовальницьках».¹

Сам Дунай, говоря о том, когда ему будет нужна помощь, обращается прежде всего к Илье Муромцу:

Через часик приезжай-ко, Илья Муромец,
Через два приезжайте вы, добры молодцы».²

В соответствии со всем этим именно Илье Муромцу Дунай поручает везти в Киев Апраксию, когда решает остаться в поле для поединка с Настасьей-королевой:

«Ты вези нонь, Ильюша да ведь Муромець,
Я поеду да как с ней да сражаться нонь».³

В другом мезенском варианте (запись от Н. К. Семенова) Илье Муромцу присваивается уже главная роль:

«Ищо сватом-то послать да Илью Муромца,
А второго-то Добрынюшку ли да Микитичя,
А третьёго Дуная сына Ивановичя».⁴

И далее всю обычную роль Дуная у короля ведет Илья Муромец, – он и сватается, он и увозит Апраксию «силком», когда король отказывает.

То же мы видим в былине «Дунай» Марфы Крюковой в записи 1937 г. Еще в более ранней крюковской редакции этой былины (запись 1934 г. В. П. Чужимова) Дунай сам сражается с Идолицем, женихом похищенной богатырями Апраксии, и убивает его. В моей записи именно Илья Муромец оказывается победителем Идолица. Вообще в позднейшей редакции Илья Муромец все время заслоняет собой Дуная. Он прерывает пир у короля Лихоминского, говоря, что пора приступить к делу сватания, – новый эпизод, которого в записи Чужимова нет. Илья же распределяет и дальнейшие роли:

56

Добрыне и Алеше Поповичу велит везти Апраксию в Киев, Дуная берет с собой в леса на поиски Идолица.

Во многих позднейших вариантах различных былин Илья Муромец фигурирует в

¹ «Былины Севера», I, стр. 130.

² Там же.

³ Там же, стр. 133. Обычно же эту функцию выполняет Добрыня.

⁴ «Былины Севера», I, стр. 237.

роли мудрого советника, всегда здраво разбирающегося в обстановке, стремящегося мирным путем разрешить созданный конфликт. Часто он является и носителем обличительной тенденции быliny.

В быline о Даниле Ловчанине, помещенной во II томе «Архангельских былин» Григорьева (Григ., II, № 63), Илья Муромец, когда Иван Годинович сообщает свой план убийства Данилы, предостерегает его:

«Погубышь ты такого всё сокольчика,
Не поймать тебе будет белой лебеди».¹

Разгневанный этим возражением князь Владимир велит заключить Илью Муромца в погреб. Когда же выполнение злого умысла влечет смерть героини, князь Владимир велит выпустить Илью Муромца и публично признает его правым:

«По-твоёму тут, Илеюшка, всё исполнилось».²

И на место Ильи он засаживает злого советника Ивана Годинова.

В быline о Сохматии Сохматьевиче Марфы Крюковой Илья Муромец является в аналогичной роли, выступая против несправедливого поступка князя с Сохматием. После заточения последнего в погреб Илья Муромец выражает общее настроение богатырей:

«Не малу-ту ведь шуточку напустил, князь,
Которой служил богатырь тебе верой-правдою,
Оберегал ведь твой славной Киев-град,
Как тебя спасал, князь, со кнегиною,
Теперь гинет богатырь понапрасному;
Как моришь-то его смертью голодною,
Это нам, ведь, богатырям, не ндравитця».

И далее он угрожает князю:

«Не поправишься в делах, дак сам узнаешь всё,
Мы возьмёмся за это дельшко великое,
Повыведем богатыря из неволюшки».³

57

И именно по настоянию Ильи Муромца князь Владимир и посылает в поле проверить рассказ Сохматия.

В одном из печорских вариантов быliny об Алеше и братьях Петровичах (Онч., № 3) Илья Муромец выступает посредником между обеими сторонами и устраивает свадьбу Алеша и сестры Петровицей. Там же фигурирует Илья Муромец и в беломорском варианте А. М. Крюковой (Марк., № 7), но здесь он несколько менее выделен. Данный мотив включен и в вариант этой быliny М. С. Крюковой (Крюк., I, № 33). Здесь подробно рассказывается, как Илья Муромец вместе с Алешей Поповичем настигает братьев, везущих сестру на казнь, останавливает их и сообщает им о неверности их жен. И когда Алеша Попович просит сестру Петровицей-Сбродовицей себе в замужество, Илья Муромец поддерживает его:

«А уж вы, братица Петровици, помиритесь-ко,
А и за Голёшеньку отдайте всё в замужесво родну сестру».¹

На свадьбе Илья Муромец присутствует «за отца».

В поздней северной быline «Добрыня и Дунай» Илье Муромцу почти неизменно приписывается эта роль посредника и судьи в конфликте двух богатырей. Он то осуждает

¹ Григ., II, стр. 323.

² Там же, стр. 325.

³ Рукописн. хранил. отд. фольклора, колл. 90.

¹ «Быliny М. С. Крюковой», I, № 33., стр. 331.

обоих за недопустимое для русских богатырей поведение,² то одного Дуная,³ то оправдывает обоих, так как оба с богатырской точки зрения оказываются правыми,⁴ и всегда старается примирить их. В варианте Д. К. Дуркина (Печора, Усть-Цыльма) он говорит:

«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич блад,
Али ты, Дунай да сын Ивановичь!
Помирись, согласись вы,
Делить вам нечего:
Один оставил шатер с угрозою,
А другой хоть попил-поел – не унёс ничего».⁵

Аналогичный мотив находим в былине о Добрыне и Алеше у Гильфердинга (вариант Никифора Прохорова), где роль Дуная

58

приписывается Алеше Поповичу. Илья Муромец, разняв дерущихся богатырей, обращается к ним со словами увещания:

«А укротите вы да сердцё богатырскоё,
А назовитесь вы да братьями крестовыми,
А лучше вы крестамы побратайтесь».¹

В качестве мирного посредника Илья Муромец выступает и в некоторых былинах о Дюке, например, в печорском варианте сказителя Петра Поздеева.² После каждого состязания Илья просит Дюка простить Чурилу, в конце же говорит Дюку:

«Пусть он будет меньшей брат, а ты старшой,
А вперед не хвастает».³

Он же каждый раз при каждом новом закладе поручается за Дюка против князей и бояр, поддерживающих Чурилу.

Интересно используется образ Ильи Муромца – помощника-заступника, примирителя – в композиции одного кулойского варианта былины о Добрыне и Алеше (Григ., II, № 35). Когда Алеша Попович привозит обманную весть о смерти Добрыни и угрозами пытается склонить его жену на брак с собой, мать Добрыни идет к Илье Муромцу и просит его съездить в поле. Илья едет, находит спящего Добрыню, будит его, рассказывает о случившемся и тем предотвращает насильственный брак «от живого мужа».

Наконец, участие Ильи Муромца вносится даже в такую былинку, как Скопин, представляющую позднюю переработку исторической песни. В варианте Н. С. Торопова с низовой Печоры (запись 1929 г.), включающего сюжет в киевский цикл, героя, отравленного на пиру, выводят с пира «стар казак» и «крестовый брат».⁴

То же в более раннем варианте из Усть-Цылемского района:

Он падал на середу кирпичат пол;

² Григ., III, №№ 6, 17, 37.

³ Там же, № 108.

⁴ Говорит им стар-казак да Илья Муромец:

«Те спасибо нонь, Дунай да сын Ивановичь,
Не оставляш свой шатер без угроз ты молодецких,
Те спасибо-ле, Добрынюшка Микитич млад,
Не боишься ты угроз да молодецких». (Онч., стр. 45).

⁵ «Былины Севера», I, стр. 462.

¹ Гильф., № 49.

² Онч., № 24.

³ Там же, стр. 129.

⁴ «Былины Севера», I, стр. 495.

Да на то были руськи-те богатыри,
Скочил ищэ стар-казак Илья Муромец,
Подхватил он Скопина да за праву руку...⁵

59

6.

Из предыдущего изложения видно, что образ Ильи Муромца служил для воплощения социальных тенденций северного крестьянства. При этом социальная направленность былины достигалась не только благодаря наделению богатыря-крестьянина физическими и нравственными преимуществами перед князем и боярами. Илья Муромец, как мы уже видели, не раз выступает в былинах в роли прямого антагониста социальных верхов (см., например, выше пример из былины о Сухмане и др.).

Эта сторона образа Ильи Муромца тоже подверглась детальной и углубленной разработке в среде северных сказителей. Некоторые былины отличаются большой остротой и оригинальностью. Своеобразные детали, например, включает эпизод «упрашивания богатыря» в кулойском варианте былины на сюжет Калина-царя И. Д. Сычова (Григ., II, № 55). Действие развивается сперва традиционно: по клеветническому доносу бояр князь засаживает Илью Муромца в погреб; когда наступает враг, князь, узнав, что богатырь жив, идет упрашивать его спасти Киев; идет он, однако, не один, как обычно, а с князьями и боярами. Далее следует такое изображение Ильи Муромца:

На княжей-то, бояр да он косо гледит,
Да на князя-то Владимера да как зверь смотрит:
А ишши все бы они да с нох упадали.¹

Совершенно необычен конец былины. После победы богатырей, как всегда, следует пир. И вот на пиру происходит расправа богатырей с боярами:

Расходилисе удалы да добры молодцы,
Ишша рыл бы Илеюшка их из грядни вон,
Ишша рыл бы бояр да он из грядни вон;
А ишши рыл бы де Добрынюшка на красно крыльцё;
Да метал бы как Олешенька во чисто полё;
Ишша князь-от Владимёр да едва жив стоит.
Да наставили бояр на то место новых судьей.²

Замечательно дан образ Ильи Муромца – антагониста князя и бояр в вариантах былины о ссоре Ильи Муромца с князем

60

Владимиром, записанных от современных пудожских сказителей Ф. А. Конашкова и А. М. Пашковой.¹ Былина, чрезвычайно острая сама по себе, включает еще новый эпизод, усиливающий ее социальную направленность: оскорбленный князем богатырь, которого обошли приглашением на пир, устраивает на площади против княжеского терема свой «почестен пир» (обычно же он пьет-гуляет с голями в кабаке, пропивая маковки с теремов). Особенно мастерски разработан этот эпизод у Пашковой. Гости на пиру у Ильи Муромца – «мещане стрелецкие» и «мужички деревенские» – «лапотники и балахонники». Социальная природа друзей Ильи Муромца подчеркивается на протяжении всего

⁵ Онч., стр. 253.

¹ Григ., II, стр. 294.

² Там же, стр. 295–296.

¹ Рукописн. хранил. отд. фольклора; «Былины Пудожского края», № 2.

повествования. Князь Владимир смотрит на площадь «в трубочку подзорную» и видит, что «Илья с беднотой да угощается».² Когда Добрыня приходит звать Илью Муромца на княжеский пир, Илья говорит:

«Не зазывал на пир я не князей-бояр,
А собрал-то всех да бедноту-крестьян,
Все голей-то я кабацких».³

Пашкова меняет и конец былины: Илья уговаривает Добрыню остаться с ним и его друзьями, и они угощаются, а «ко Владимиру идти да не торопятся».⁴

Также новыми деталями насыщается известная картина бунтарства Ильи Муромца в другой версии былин о соре – повествующей об Илье Муромце – незваном и неузнанном госте. В варианте В. В. Амосова из Заонежья (запись 1932 г.), контаминирующем данный сюжет с былиной о Калине, снижение образов князя, бояр и придворных богатырей проведено с предельной остротой. Новые штрихи создают гротескную картину; богатыри разбегаются, князь забирается под печку.

Да не спасенье под печкой под кирпичной.
Тут Илья Муромец столичник отдёргивал,
Снял золоты ключи:
«Завтра сам буду править княжеством».⁵

Наблюдая над воплощениями образа Ильи Муромца в поздних записях, мы видим большую творческую работу северных

61

сказителей. Результатом этой коллективной работы, длившейся в течение нескольких веков, и был тот художественно завершённый образ, который находим у лучших наших сказителей. В этом отношении высшим этапом разработки образа Ильи Муромца явилось творчество М. С. Крюковой, которая, овладев в совершенстве и в полноте эпическим наследием предшествующих поколений, сообщила образу еще целый ряд дополнительных и завершающих его черт.

7.

Для процесса разработки героических образов в направлении их социального заострения показательна судьба былины о Василии Игнатьеве.

Былина эта явилась созданием оппозиционно настроенных низших социальных слоев и относится по времени своего происхождения, очевидно, к XVII в., как и родственная ей по социальным тенденциям былина о соре Ильи Муромца с князем Владимиром.¹ По своей сюжетной схеме она аналогична ряду других былин о неожиданном нападении врага. Враг угрожает Киеву, богатырей нет; бояре, князь – в полной растерянности; неожиданно является спаситель со стороны, откуда его и не ждали: богатырь-малолетка (Михаил Данилович, Ермак), старый казак Илья Муромец, а в разбираемом сюжете – «голь кабацкая», Васька-пьяница. Перенесение роли неожиданного спасителя на Ваську-пьяницу заостряет былинку в сторону противопоставления господствующему классу

² «Былины Пудожского края», стр. 84.

³ Там же, стр. 87.

⁴ Там же.

⁵ Рукоп. хранил. отд. фольклора, колл. 27. Текст включен во II том «Былин Севера», № 122.

¹ Подробно разобрана эта былина Вс. Миллером (Очерки, I, стр. 305–327, 353), который определял ее как позднейшую обработку исторических воспоминаний о событиях татарского времени в скоморошьей среде XVI–XVII вв. Ошибка Вс. Миллера заключается в том, что он не сумел осознать всей значительности перенесения черт героя на представителя «голи», а видел лишь «смакование кабацкой сцены и зелена вина» «грубой средой любителей кружала государева», «кабацких заседателей» веселых людей – скоморохов.

социальных низов: единственно они оказывают помощь при нашествии Батыги, Кудреванки, Скурлы.

Эта сторона былин о Василии Игнатьеве оказалась надолго актуальной и сохранилась в эпической традиции Севера до настоящего времени. Позднейшему крестьянскому творчеству принадлежит дальнейшая раскраска героических мотивов и сатирических мест былины и заострение последних, смотря по

62

тенденциям исполнителей, то против князя, то против бояр. Наиболее острые варианты былины о Василии Игнатьеве обнаружены в самых северных районах, Мезенско-Кулойском крае и на Печоре. Здесь особенно тщательно разработана социальная характеристика бояр и противопоставление им богатыря-героя.

В печорских вариантах, когда князь Владимир, по совету княгини Апраксии, идет искать богатыря, встречающиеся «подсушины» (голи) не хотят указать его, так как Владимир не с ними «думу думает», а с «боярами». ¹ Бояре всячески оскорбляют Василия и до совершения им подвига и после, отказывают ему в заслуженной им награде, говоря: «Нам боле Васенька не надобно», так что оскорбленный богатырь даже напускает татар на Киев, разрешая им «повыбить бояр толстобрюхих». В этом последнем эпизоде мы видим трансформацию, под воздействием определенных социальных тенденций, эпизода военной хитрости героя более ранних редакций: в них изображается, как Василий Игнатьев едет в стан врага, под предлогом мнимой измены получает рать и, выведя ее в поле, избивает ее. ² Мотив использования татарской силы для расправы с боярами находим и в мезенско-кулойских и беломорских былинах. И всюду дана четкая социальная трактовка эпизода: Василий Игнатьев ведет татар с условием, чтобы они не разорjali Киева, не трогали князя с княгиней, а лишь грабили и убивали бояр:

«Я не дам-то тебе разьбить, разорить да красен
Киев град...
Да вам дам только обирать князей, бояр жа...» ³.

Столкновение героя с боярами связывается в ряде случаев с первым же появлением богатыря на пиру у князя Владимира. Так, в кулойский тип былины входит эпизод снятия Василием шубы с боярина. Поступок героя мотивируется тем, что боярин издевается над Василием, который приходит в «гуне кабацкой». ⁴

Иногда подчеркивается полное обезличение князя Владимира и его зависимость от бояр. Когда бояре ропшут на

63

честь, оказываемую Василию Игнатьеву, «а и тут нецё князь говорить не смет»; то же повторяется, когда бояре отказывают Василию в награде. ¹ В одном варианте, когда раздраженный Василий врывается в терем, Владимир прячется под стол, умоляет о пощаде и т. п. ²

Эти резкие ноты социального протеста обусловили сохранность былины до настоящего времени и большой успех ее, особенно у передовой части северного крестьянства. И именно в самых северных районах, где оказались наиболее острые редакции данного сюжета, былины о Василии Игнатьеве остались популярными вплоть до наших дней.

¹ Онч., № 4.

² См., напр, Гильф., №№ 41, 60, 66 и др.

³ Марк., № 77, стихи 141–148; см. также Григ., II, № 2, стихи 270–273; Григ., III, № 65, стихи 285–289, Онч., № 4, стихи 205–209, Григ., III, № 59, стихи 229–232. В последнем особенно социально остро: «А бар-то у нас казните-вешайте».

⁴ См. Григ., II, № 10, № 7 и др.

¹ Онч., № 4, стр. 30 и 31.

² Онч., № 17, стр. 68.

Социальная характеристика бояр получила и дальнейшее развитие. Они изображаются не только жадными, злыми, трусливыми, им приписывается и прямая измена. В варианте былины о Калине-царе, записанном в 1901 г. на Печоре (Онч., № 2, под заглавием «Илья Муромец в опале»), княгиня Апраксия предупреждает Владимира о возможной измене бояр. Когда князь по доносу бояр решает засадить Илью Муромца в погреб, она говорит:

«На кого же ты ведь нын да понадеешсе?
У ты думны бояра да, знать, изменщики, –
Когда не будёт у ты надежды великой,
Они тогды же пуца изменят же».³

И действительно, как только Илью Муромца заключают в погреб и богатыри разезжаются, бояре пишут Ковшею Бессмертному грамоту, в которой сообщают, что Киев-град «пустой стоит».⁴

Бояре изображены готовыми на любую провокацию, лишь бы достигнуть своей цели – избавиться от ненавистного богатыря. В свою былинку о Сохматии Марфа Крюкова вносит очень тонкий психологический момент: когда богатыри вступаются за Сохматия, бояре обвиняют их в пристрастии:

«Вот один одного будто закрываете,
Закрываете вы, будто, защищаете».

И они подзадоривают князя Владимира, который будто бы все прощает богатырям – «не кладет на них обидушки», бояр же, якобы, садит «в темны темницы», «во злодейки

64

заключевные». Этим провокационным выступлением бояр и мотивируется приказание князя Владимира заточить в темницу богатыря Сохматия.

Особенно дышат бояре злобой на Илью Муромца. Они всегда готовы его погубить, клеветают на него, требуют его заточения. И когда Илью Муромца действительно заключают в темницу, бояре злобно торжествуют:

«Вот не стало ведь, не стало нашего неприятеля,
Отошла-то ему слава-честь великая».¹

Иногда же бояре совершают самочинное насилие над богатырем даже без ведома князя. Так был засажен, например, по былинке М. С. Крюковой, в темницу Дунай («Женитьба князя Владимира»).

В связи с развитием образа бояр как врагов богатырей, интриганов и изменников, характерно зафиксированное в советское время расширение случаев пользования излюбленным на Севере эпитетом «бояре толстобрюхие», «кособрюхие». Эпитет этот на Печоре переносится и в те былины, с которыми он раньше связан не был. П. И. Дитятева из Великой Виски употребляет его, перечисляя пирующих у князя Владимира в былинке «Фатенко»;² то же делает и П. Ф. Дуркин из Усть-Цыльмы в былинке о Дунае,³ а Д. К. Дуркин (тоже Усть-Цыльма), который в первом варианте былины «Князь Долгоруков», записанном Ончуковым, вывел в качестве доносчиков целовальников, в варианте 1929 г. заменяет этих последних «боярами толстобрюхими», сопроводив данное указание следующей характеристикой бояр:

«Толстобрюхие бояра они подмолщики,

³ Онч., стр. 17.

⁴ Онч., стр. 18.

¹ Рукописн. хранил. отд. фольклора, колл. 90. Былина М. Крюковой «Подарок князя Владимира». Моя запись 1937 г.

² «Былины Севера», стр. 533.

³ Там же, стр. 471.

Подмолщики они да подговорщики –
Соврать-солгать, прибавити, рострой сделати.⁴

8.

Последние примеры показывают, что и в былинах-новеллах развитие некоторых образов идет по линии разработки элементов сатиры. Это с большой очевидностью вскрывается на

65

былинах о неудачной женитьбе Алеши Поповича. Былины эти сложились уже в то более позднее время, когда первоначальный героический образ Алеши, победителя насильника Тугарина, смелого богатыря Алеши Поповича, прошел процесс деградации, и Алеша Попович превратился в представителя поповских родов, наделенного специфической социальной характеристикой.¹ Тогда-то и мог популярный сюжет о муже на свадьбе своей жены прикрепиться к имени Алеши Поповича и оформиться в былинку, иронически освещающую этого богатыря. Время и место сложения былины точно не установлены. Вероятнее всего, она возникла в XV–XVI вв. в Новгороде, Москве или в каком-нибудь другом крупном центре позднего эпико-новеллистического творчества и проникла в северные районы вместе с другими сложенными в это время сюжетами. Здесь она получила среди других былин-новелл особенно большое распространение благодаря увлекательной фабуле, эмоциональности образов, ярким бытовым зарисовкам. В ней захватывали слушателя и глубоко-человечный образ самого Добрыни, жалующегося на то, что богатырская участь заставляет его проливать кровь – «слезить матерей», «вдовить молодушек», «сиротать малых детушек», и образы горюющей матери и верной супруги, и поэтическое описание убитого богатыря, и яркое изображение игры гуслира Добрыни на свадебном пиру, и т. п. Мы не знаем, в каком виде эта замечательная былина вошла в репертуар северного крестьянства, какие именно эпизоды и картины уже были в первоначальных редакциях. Но что северным крестьянам-сказителям принадлежит большая творческая роль в дальнейшем развитии и художественной расцветке ее образов – это несомненно. Об этом свидетельствуют и множество композиционных вариаций этой былины, и обилие разнообразных художественных деталей отдельных ее эпизодов.

Социальную окраску данной былине придает не только изображение Алеши Поповича, как лжеца и интригана (причем обычно подчеркивается его происхождение), но и сводническая роль в некоторых вариантах князя Владимира. Роль эта не обязательна для построения сюжета; в целом ряде вариантов она отсутствует, поэтому возможно, что ее не было в первичной

66

обработке данного сюжета и она включена позднее, в связи с общим развитием образа князя Владимира в плане сатирическом. Произошло ли это уже после того, как былина проникла на Север, или раньше – неизвестно. Во всяком случае, определенное усиление данный мотив несомненно получил среди северного крестьянства.

Активное участие его в разработке этого мотива ясно видно из разнообразия вариаций. Традиционная ситуация о поддержке князем Владимиром сватовства Алеши, привозящего ложную весть о гибели Добрыни, получает в одном из вариантов специфическую трактовку: Алешу делают племянником князя Владимира и, таким

⁴ Там же, стр. 469; в одном из вариантов этой былины у Ончукова (№ 12) тоже фигурируют бояре-доносчики, но без указанной характеристики.

¹ История образа Алеши Поповича изучена Вс. Миллером, который убедительно показал и истолковал процесс снижения этого образа (см. Вс. Миллер, Очерки, II, стр. 153–168). Поэтому я останавливаюсь в этой главе лишь на тех моментах дальнейшего развития образа, которые с уверенностью можно отнести к северному периоду.

образом, родством мотивируют участие князя в интриге.¹ В некоторых былинах сватовство князя Владимира дается как прямое насилие. Он угрожает Настасье:

«А ты с-добра не пойдешь, Настасья Микулична,
Так я тебя возьму в портомойницы,
Так я тебя возьму еще в постельницы,
Так я тебя возьму еще во коровницы».²

Под влиянием этой угрозы Настасья Микулична и соглашается на замужество. Выразительную мотивировку вынужденного согласия дает один из новейших вариантов, записанный в 1932 г. в Заонежье:

«Ты послушай-ка, походана моя матушка,
Под боярином жить да будто под чортом.
Лучше идти мне за Олешеньку в замужесво».³

Угроза дается и в другой форме; по своей собственной инициативе князь Владимир, чтобы только помочь Алеше, издает «указы грозные» – «манифесты немилосливы»: «Не держать бы жон безмужних, не держать удовок беспашпортних».⁴

Иногда даже князь Владимир принимает особые меры на случай возможности неожиданного приезда Добрыни:

Они крепости все да повывадили,
А столбы-то вси оны е повывадили,
А для всякою опасности

67

В особину же для Добрынюшки да е Микитича,
Чтобы в ту пору да в то время
Не приехал наш Добрыня на почестен пир.¹

Наконец, в одном из вариантов обман приписывается самому князю Владимиру.² В соответствии с этой неблагоприятной ролью князя Владимира, в развязке, уже после сцены узнавания, обычно следует известный укор Добрыни, обращенный к князю и княгине, что они «от живого мужа жонущку замуж берут, просватают».³

Характерен вариант этого мотива, в котором Владимир именуется не князем, а царем:

«Я дивую вашему царскому разуму,
Что от живого мужа вы берете за другого».⁴

¹ Гильф., № 107.

² Там же, № 198.

³ Запись 1926 г. от А. Ф. Оргиной, «Былины Севера», т. II.

⁴ Гильф., №№ 206, 211.

¹ Гильф., № 23, стихи 107–112.

² Там же, № 65.

³ Там же, № 5. Вариант заонежского сказителя Калинина. Привожу полностью его формулу, как наиболее распространенную:

«Не дивую я тут разуму да женскому,
У ней волос долог, ум короток,
А я дивую нунь же солнышку Владимиру
Со своей было княгинею:
Он же, солнышко Владимир стольнѣ-киевской,
Он же был да сватом ли,
А княгинушка да свахою,
От живого мужа женущку замуж берут, просватают».

⁴ Гильф., I, № 33; см. еще №№ 23, 43, 65; II, №№ 80, 145, 149.

Смысл укора подкрепляется изображением состояния Владимира: «Тут солнышко Владимир стольне-киевский, он повесил буйну голову», или «Тут Владимиру к стыду стало» и т. д. Включение в некоторых вариантах рассказа о подвигах, совершенных Добрыней, еще более оттеняет неблагоприятность поступка князя Владимира:

«Ай же, Владимир стольен-киевской!
Я служил тебе как верой-правдою,
А ты ведь сделал дело доброё:
Молоду Настасью Микуличну
А силою берешь ты великою.
Ты прощай меня нынь-ка, Владимир-князь».⁵

То же, но еще более резко выражено в записи 1932 г. от А. К. Ястребовой:

68

«Благодарю тебя, князь Владимир стольно-киевский,
Что ты посоветовал моей жене замуж ийти,
За то, что я двенадцать лет билсэ и день и ночь
И охранял твой Киев-град».¹

В некоторых вариантах сатира переносится и на бояр, которые изображаются участвующими в интриге. Укоры Добрыни принимают характер угрозы, и бояре, боясь расправы, бегут с пира:

Это тут бояра перепалися,
С того пиру как разбегалися.²

Добрыня указывает князю на возможность расправы и с ним:

«Чёго ты стоишь, князь с княгиною,
Чёго ты стоишь да того же ждешь».³

Приведенные примеры ясно показывают, что определенная ситуация не механически усваивается и повторяется, а то усиливается, то ослабляется, насыщается новыми деталями, которые и сообщают ей известную направленность.

То же мы видим и в отношении образа Алеши Поповича – «похавного вора», «дивочьего надсмешника», «бабьего пересмешника». Есть варианты, в которых он не только привозит обманную весть о смерти Добрыни, но еще и угрожает Настасье.⁴ В заключительной сцене расправы наблюдаем различные вариации деталей, придающие ей разнообразные оттенки, соответственно индивидуальным вкусам и наклонностям отдельных исполнителей. «Поповское» же происхождение Алеши используется в некоторых вариантах как мотивировка запрета, данного Добрыней жене, – не выходить замуж за Алешу Поповича:

«А не ходи ты за Олëshеньку Поповича,
А не люблю я ведь роду всё поповского».⁵

В одном из вариантов мотив этот развернут, и Алеша Попович в его социальной характеристике противопоставлен крестьянству:

69

«А Олëshа не роду да хрестияньского,

⁵ Гильф., I, № 65.

¹ Рукописн. хранил. отд. фольклора, колл. 27. «Былины Севера», II, № 129.

² Гильф., № 65.

³ Там же, № 206.

⁴ См., напр., Григ., II, № 35, стр. 228.

⁵ Григ., III, № 38, стр. 192.

А Олёша-та роду да всё поповьского,
Ише руки у Олёши да заграбущие,
А глаза у Олёши да завидущие:
А окстит тут Олёша да златом-серебром,
Потеряёшь-ка ты свою буйну голову».¹

Подобно тому, как героический образ Ильи Муромца, в его восходящей линии, начинает заполнять собой весь эпос в целом, проникая все в новые и новые сюжеты, Алеша Попович в его отрицательной роли интригана и разжигателя конфликтов тоже включается в былины, сюжет которых первоначально строился без участия этого образа. Так, в некоторых вариантах былины о сорока каликах он не только посланец вдогонку за каликами, но и участвует в самой интриге княгини Апраксии, – именно ему она поручает спрятать в мешок поллюбившегося ей калики драгоценную чашу.² В беломорской традиции былины о смерти Чурилы не девушка-служанка, а Алеша Попович доносит обманутому мужу о проступке его жены.³ В одном кулойском варианте былины о Даниле Ловчанине (Григ., II, № 4) Алеша Попович делает попытку осуществить замысел князя убить Ловчанина, а именно: он пробует обманом отнять оружие у Данилы, чтобы затем убить его, когда тот возвращается благополучно с пойманным им вепрем. Развитие образа Алеши в плане сатирическом приводит к характерной замене в кулойской традиции самого наименования «Попович» прозвищем «Ворович».⁴

9.

В отношении образов Ильи Муромца и Алеши Поповича мы видим очень ясную линию развития в определенном для каждого из них направлении. Подобной же разработке подвергся и образ Добрыни Никитича, преимущественно как ближайшего

70

помощника Ильи Муромца, его правой руки, доблестного рыцаря, тонкого в обращении (по былинне обладающего «вежеством»), искусного дипломата. В определенном направлении разработаны также образы князя Владимира, бояр, ряд других персонажей эпоса. Именно в результате коллективной творческой работы северного крестьянства в течение нескольких веков и получились чрезвычайно четкие, полные и завершенные типы. Все отступления от генеральной линии в развитии образа, искажающие народную традицию, объясняются отсутствием художественного чутья и вкуса у отдельных заурядных сказителей, часто случайных исполнителей эпоса, не владеющих основными представлениями в его области. Еще Гильфердинг писал об олонекских рапсодах, что они «далеко не равны по достоинствам: они представляют целую градацию от истинных мастеров, одаренных несомненным художественным чувством, до безобразных пачкунов...»¹

¹ Григ., III, № 57, стр. 323.

² См., например, Марк., № 22.

³ См., например, Марк., № 87.

⁴ Григ., II, № 16. Вместе с развитием сатирического образа Алеши Поповича в новеллистическом эпосе, а также в былинах, посвященных подвигам других богатырей, сохраняется первоначальный образ Алеши Поповича, как героя, избавителя Киева от насильника Тугарина. В одном из северных вариантов – А. М. Пашковой – героические черты Алеши даже усилены, на что и обращено было внимание составителей книги «Былины Пудожского края», где опубликован вариант Пашковой (см. стр. 25 и 466): Алеша Попович выступает без спутника; богатырские свойства его проявляются еще в детстве. Но главное то, что сказительница учитывает позднейший облик Алеши Поповича, выросший на почве антиклерикальных настроений, а потому в былинку о его подвигах вводит отказ богатыря от своего наименования – он говорит отцу: «Не могу я выносить названьица поповского» («Былины Пудожского Края», стр. 103).

¹ Гильф., 1873, стр. XXII. Такие искажения традиции находим, например, в цикле былин об Илье Муромце, когда он является вдруг в роли Алеши Поповича, принося ложное известие о

Не всегда, однако, процесс развития былинных образов представляет такую ясную и определенную картину. В былевом эпосе, преимущественно в его новеллистической части, находим произведения, насыщенные такими историко-бытовыми чертами, которые позднейшему крестьянству могли быть мало понятны. Такие былины или оказывались мало устойчивыми (например, былина «Хотен», отразившая буржуазный быт большого города, к настоящему времени почти исчезнувшая из репертуара), или подверглись значительным изменениям в духе нового восприятия. Последнее наблюдается в истории варьирования и переосмысления одного из замечательнейших былинных образов – Василия Буслаева.

О нем существуют две былины, сложенные в разное время. Создание первой былины относится ко времени свободной новгородской жизни (не позднее середины XV столетия).
Былина

71

дает яркие зарисовки внутренних междоусобий, которые были результатом борьбы общественных партий и составляли характерную черту жизни старого Новгорода. Былина отразила то расслоение, которое существовало в самой социальной верхушке, и ту борьбу между отдельными ее слоями, в которую втягивался и мелкий городской люд, всегда готовый в силу своего экономического закабаления подниматься против «вятших».¹

Образ самого Василия Буслаева принадлежит к лучшим созданиям народного творчества. Слагателям былин о Василии Буслаеве удалось создать образ большого художественного обобщения, образ безудержной силы, вольнодумца, не верящего «ни в сон, ни в чох», а только в свой «червленый вяз». Эти обобщающие черты были подчеркнуты Горьким, причислявшим Василия Буслаева к наиболее ярким былинным образам.²

Образ Василия Буслаева несет на себе определенный отпечаток эпохи. Он создан в атмосфере сложных социальных взаимоотношений и ломке старого мировоззрения. Отсюда, очевидно, та двойственность в обрисовке и оценке, которую мы наблюдаем в старейших редакциях. В лучшем и, повидимому, наиболее близком к старейшей редакции варианте Кирши Данилова былины о столкновении Буслаева с Новгородом, несмотря на некоторые ноты осуждения поступков Василия Буслаевича, он изображен как герой-победитель. «Мужики» в заключительной части былины приходят с богатыми подарками, чтобы «замириться», первое выступление Василия Буслаевича против Новгорода мотивируется обидой, которую ему наносят.

Во второй былине – о поездке Василия в Иерусалим – совершенно очевидно конечное осуждение Василия Буслаевича, причем образ героя связывается с ранее созданным (мотивировка поездки на богомолье: «смолоду бито много, граблено, под старость надо душа спасти»), перенесение персонажей первой былины – дружинников Василия Буслаева, его матери и т. д.). Таким образом, на былинах сказались и невольные симпатии к сильной личности, вступающей в борьбу с обществом, и ее осуждение, отразились тенденции различных групп новгородского населения, в среде которого былины исполнялись.

В процессе восприятия и осмысления образа Василия Буслаева северным крестьянством стирались некоторые исторические

72

черты былин. За «мужиками новгородскими» не виделась их историческая социальная категория, и образ Василия Буслаева, избивающего «мужиков» новгородских,

гибели Добрыни (Григ., III, № 38), или когда он оказывается слабее Добрыни и тот его побеждает, а затем называется «старшим братом» Ильи (Григ., I, № 186) и т. п. Такие случаи эпизодичны и основной направленности эпоса не нарушают.

¹ И. Н. Жданов, Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 193–424.

² См. письмо Горького редакции «Библиотеки поэта» («Литературная газета» от 30 июня 1936 г.).

воспринимался преимущественно как отрицательный. В то время как бунтарство Ильи Муромца, направленное против несправедливого и неблагодарного князя, его дружба с голями, его столкновение с «боярами толстобрюхими» естественно должны были вызвать крестьянские симпатии в период, когда крестьянство становилось в положение класса-антагониста, действия Василия Буслаева против массы, против населения должны были вызвать осуждение. Очевидно, именно позднему периоду принадлежит факт контаминации обоих сюжетов о Василии Буслаеве, которая стирает впечатление от торжества Василия в первой былине и дает его конечное осуждение.

Среди заонежских вариантов более одной трети контаминированных. Рассказ о бое с Новгородом обычно дается в них в плане осуждения Василия Буслаева, хотя он и изображен победителем. Характерно, что если в этих вариантах и говорится о том, что Василия Буслаева обижают, не зовут на пир, то это, обычно, уже вторичный момент, вызванный озорными выходками самого Василия. Часто мать с подарками спешит к князю или старосте, чтобы уничтожить заклад и спасти Василия Буслаевича. В конце побоище прекращается, так как мать останавливает Василия. Таким образом, в этой былине, как она оформлена в заонежских вариантах, нельзя не видеть определенного осуждения необузданного богатыря, сила которого направлена во вред окружающим.

В этом отношении характерно осуждение Василия его матерью и предсказание ею его неминуемой гибели в одном из кенозерских вариантов.¹ Мать говорит:

«Ах ты, чадо, чадо мое милоё!
Ты зачем убил да крёсна батюшка,
Тебе самому да така же смерть придёт».

Такой же характер имеют мезенские варианты, пинежский и золотицкий. Последний (Марк., № 52) особенно интересен, так как показывает четкую позицию крестьян-исполнителей в отношении Василия Буслаева. Он выставляется здесь представителем социальных верхов.² Отец его – «богатый князь». Сам Василий «он дворянскими забавами да забавляйтце», –

73

Малых деточок на улки пообиживат:
Он ведь голову возьмёт, да голова тут прочь,
Он ведь за руку, за ногу – нога тут проць,
Он ведь тут, Василий Богославич,
Он ведь много убивал да малых деточок.¹

Это и вызывает у мужиков намерение его убить. Василию всюду также приписывается активная роль зачинщика. Он является незванным на пир, хотя его мать и предостерегает от этого, на пиру совершает бесчинства:

Упехал-то из-за стола многих людей добрых,
Ише тех ли мужиков новгороцких,
Он выпё?ивал их всё на новы сени,
Тут народ-от, люди добры испугалисе,
По домам-то, ох, ведь много разьбегалосе...

На заклад вызывает сам Василий Буслаевич. Мать его, чтобы предотвратить опасность, бежит с дорогими подаркам к князю. Во время боя Василий убивает сперва крестового брата, который учил его когда-то грамоте, затем крестного отца. Вторая былина внутренне логически связана с первой. Василий просит благословенья съездить в Иерусалим:

¹ Гильф., № 284

² См. также определение Василия Буслаевича, как «именитого», в «Былинах Севера», I, № 14, стр. 188.

¹ Марк., № 52, стихи 17–22.

«Я ведь нагрешил я много хоть со малых лет,
Убивал много народу православного,
Убивал много хресьянских малых детушок,
Убил-то я своёго хрёсна батюшка,
Я убил-то крестового своёго брателка».²

Во время пути Василий совершает вызывающие осуждение поступки. Былина заканчивается изображением гибели Василия. Так, вторая часть, в контаминации с первой былиной, дает исход тем нотам осуждения, которые проходят через всю первую часть.

В противоположность указанным группам вариантов – печорские, наиболее близкие к направленности первой былины из сборника Кириши Данилова, сохраняют следы былых симпатий к Василию. Из них исключено изображение озорства его на улицах. Видно некоторое одобрение удалому молодцу Василию Буслаевичу. Кончается былина тем, что Новгород покоряется, приносит ключи.

74

Совершенно иначе осмыслен образ Василия Буслаева в варианте, записанном П. Н. Рыбниковым в Пудогге от шальского лодочника (Рыбн., II, № 150). Происхождение героя не указано, но он с самого начала выставляется как противник высших классов. «Шуточки недобрые» он шутит не на улице, а на княжецком дворе, – «с боярскими детьмы, с княжецкима». Князья новгородские жалуются на него матери. Заклад Василий держит тоже с князьями новгородскими. «Мужики» же новгородские играют пассивную роль. Князья выставляют их против Василия. Боясь, что богатырь «не оставит мужиков на семена», князья обращаются за помощью к старчицу Пилигримицу, затем к матери. В конце они приходят к Василию:

Пали ко Василью в резвы ноги,
Прсят Василия во гостебьнице, –
Сами говорят таковы слова:
«Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
Прикажи обрать тела убитыя,
Предать их матери сырой земле»¹ и т. д.

Былина кончается полным апофеозом Василия.

Таким образом, былина о Василии Буслаеве таила в себе возможность и иного осмысления. Нам известен лишь один случай осуществления этой возможности. Тот факт, что образ Василия Буслаева был осмыслен преимущественно как отрицательный, привел, по нашему мнению, и к более решительному упадку, забыванию и исчезновению былин об этом герое. Настоящим народным героем, естественно, должен был оказаться Илья Муромец, дающий иной, чем Василий Буслаев, выход своей силе, направляющий ее на служение народу. Новые обследования последних лет дали сравнительно небольшое количество записей, к тому же некоторые из них представляют собой лишь отрывки или былины, разложившиеся в сказку.

10.

В области работы над образом очень большое место в северном былинном творчестве занимает процесс психологизации образов. Так, во многие варианты былины-новеллы о Добрыне и Алеше включается причетъ матери по отъезжающем сыне, заключающая волнующие образы горя:

75

«Ай же ты, любимая невестушка,

² Марк., стр. 270.

¹ Рыбн., II, стр. 359.

Молода Настасья дочь Микулична,
Уж ты пьчо сидишь во терими, в златом верхи,
Над собой разве невзгодушки не ведаёшь?
Закатайтце ведь наше красно солнышко,
Ай заходит за горы за высокия».¹

Причеть матери в ряде вариантов дается и после того, как Настасья Микулична соглашается на брак с Алешей Поповичем. Замечательна, например, по своей выразительности причеть мезенской группы обработок этой былины:

«Да не стало у меня дитятка родимого,
А не стало невестки да богосужоной;
Ише некому меня стало поить-кормить,
У мня резвы ножечьки приходилисе,
Да у мня белы-ти ручушки примахалисе,
Очи ясны у мня да пригледелисе;
Ише некому миня стало поить-кормить,
Ише некому меня стало обувать-одевать».²

В варианте той же былины, записанном от Н. С. Богдановой, находим особый эпизод, нигде больше не встречающийся: мать, спустя три года после отъезда Добрыни, идет к князю Владимиру и «горько-тошно покоряетце», т. е. укоряет князя за то, что тот отправил ее сына надолго на заставу.³

Наконец, в некоторых вариантах тема горюющей матери замыкается указанием Добрыни на главную вину Алеши Поповича, заключающуюся в том, что он слезил его родитель-матушку, заставил ее скорбить «свое личко белое» и т. п.⁴

В кулойской эпической традиции интересна психологизация образа матери Добрыни в другой былине – о бое Добрыни с Ильей Муромцем. Обеспокоенная за исход встречи своего сына, молодого богатыря, с опытным и искушенным в бою Ильей Муромцем, она то просит Илью пощадить Добрыню, то дает разные советы самому Добрыне, как ему обойтись с Ильей при встрече; в конце былины она благодарит старого богатыря за то, что тот пощадил ее сына.⁵

76

Процесс психологизации эпических образов связан с индивидуальными наклонностями сказителей. У некоторых он выражен чрезвычайно ярко, у других замечен мало, но в общей внутренней перестройке былин в позднейший период бытования играет, несомненно, значительную роль. Процесс этот – один из самых характерных для позднейшей стадии развития эпоса и, главным образом, характерен для самых последних десятилетий. Обо всем этом говорит обилие проявлений данного процесса преимущественно в записях XX в., при сравнительно меньшем выражении его в вариантах XIX в. и совсем слабых следах в записях XVIII в. С другой стороны, наблюдается очень заметное усиление тенденции к психологизации как раз в записях настоящего времени. Приведу ряд иллюстраций из собраний 1920–1930-х гг. У К. Д. Андреенова из Заонежья в былине «Добрыня и Алеша» отъезд Добрыни мотивируется тем, что «надоело добру молодцу в углу сидеть, любоватца со своей молодой женой». Прощаясь с мужем, Настасья Микулична плачет: «Как теперь я остануся – не девица, не вдова и не мужня жена». Образ горя верной жены противопоставлен общему веселью на свадебном пиру: «Все пьют да едят да веселятца все. Одна только Настасья Микулична, сидит она прикручинившись, и

¹ Марк.-Богосл., II, стр. 49.

² Григ., III, № 49, стихи 58–65.

³ Запись 1926 г. «Былины Севера», II, № 109.

⁴ Напр., Гильф., изд. 2, т. I, стр. 63.

⁵ Григ., II, №№ 17, 23, 42, 54.

сидит она да пригорюнившись» и т. д.¹ В варианте той же былины, записанном от мезенской исполнительницы П. С. Лыбашевой, в котором выдвигается добровольное согласие Настасьи на брак с Алешей Поповичем, этот ее шаг мотивируется тем, что «никто на Настасьи боле не сватайтце».² В былине А. И. Палкина «Дунай» весь эпизод хвастовства Дуная и вызова им жены на состязание в стрельбе из лука получает такое разъяснение: во время первой встречи с Настасьей Дунай сделал промах, стреляя в нее, она же вышибла ему глаз. Поэтому, когда на пиру он начинает хвастаться своей меткостью, Настасья возмущается: «Как бохатырское-то сердце разгорелосе, де не могла она во словах да воздёржатисе». И она напоминает Дунаю о его промахе.³ Своей реалистичностью выделяется у П. И. Рябикина в былине «Молодец и худая жена» мотивировка стремления молодца уйти от полюбовницы-королевны тем, что она «понеслась», а он хочет уйти «от дела нехорошего».⁴ Порой

77

такая раскрывающая образ мотивировка исполнителем выносится в примечание. Так, П. И. Дитятева в былине о сорока каликах поведение Апраксии, пытающейся склонить к любви калику Самсона Колыбановича, мотивирует в ремарке прежней их любовной связью.¹ Психологически-реалистические черты, пронизывая некоторые образы, сообщают им большую жизненность и убедительность. Таков у П. Г. Горшкова весь эпизод встречи отца с сыном, где поляница «начал его седатыи волосики пощипывать», затем, когда Илья Муромец замахивается на него, он закрывает глаза рукой «от страсти»; после боя Илья «измучился», «напала на него лень страшная»; сын с досады, что отец узнал его по перстню, бросает перстень в грязь² и т. д.

В былине современного пудожского сказителя Кигачева «Смерть Чурилы» муж, найдя Чурилу в погребке, упрекает его в трусости:

«А ты чего сюда, Чурилушка, попрятался,
По чужим жонам ходить, не надо прятаться...»³

В той же былине Катерина, возражая против обвинения служанки, объясняет ее донос тем, что она с ней повздорила.

В свою былинку «Дунай» А. М. Пашкова вводит совершенно необычный эпизод: когда литовский король видит, что светлица Опраксии опустела, он предается горю и отчаянию:

Он упал да на кровать да на тесовую,
Залился король да горькими слезами,
Говорил король да таковы слова:
«Где же ты, дочь моя любимая,
Дочь любимая, поляница удалая,
Поезжай-ко да ты вслед с угоною,
А повыручи с неволицы
А сестрицу свою милую».⁴

В былине о Добрыне и Алеше современной сказительницы Е. С. Журавлевой заключена новая вариация мотива голубей-вестников: они не летят в поле к Добрыне сами, а посылаются женой Добрыни.⁵

¹ Рукоп. хранил. отд. фольклора, колл. 26. «Былины Севера», т. II, № 104.

² «Былины Севера», I, № 37.

³ «Былины Севера», I, № 45.

⁴ «Былины П. И. Рябикина-Андреева», Петрозаводск, 1940, стр. 103.

¹ «Былины Севера», I, № 99, стр. 540.

² «Былины Севера», II, № 159.

³ «Былины Пудожского края», № 49, стр. 369.

⁴ Там же, стр. 124–125.

⁵ Там же, стр. 452.

Характерны также психологические мотивировки самоубийств героев. В одном из кулойских вариантов «Дуная» дается словесное раскрытие душевного состояния, вызвавшего самоубийство. Когда Дунай видит в чреве убитой им Настасьи двух отроков, –

Со великого удару сам с ума сопол:
А скопил де Дунай на булатной нож.¹

Смерть Потыка, убивающего себя после расправы с женой (Григ., II, № 65), мотивируется боязнью насмешек над неудачной женитьбой.

Особенно обильны психологические моменты в былинах Марфы Крюковой и именно на современном этапе ее творчества. Это сразу бросается в глаза при сопоставлении записей 1937–1939 гг. с ранними вариантами тех же былин, записанных от нее А. В. Марковым в 1899–1901 гг. Сильно психологизируются, например, все эпизоды былины о встрече Ильи Муромца и Святогора. Когда Илья Муромец начинает угощаться в палатке неизвестного ему еще пока богатыря, он «сам сидит да улыбается», раздумывая:

«Доброй-от хозяин у меня со хозяйюшкой.
Они очень у меня есть да приёмные,
Они приёмны, очень приятные,
Поблагодарить только их нет же здесь».

Жена Святогора не просто уходит гулять в луга, когда Святогор ложится спать: сперва передается ее предложение мужу «поиграть да всё во шахматы». Но Святогору «ему играть-то не хотелось, а отдохнуть ему хотелось». И вот –

Тут жена его разобиделась,
Разобиделась, разоплакалась,
Она пошла да из полатки вон,
Она пошла гулять до по зеленым лугам.

Выразительно передана и ее обида на Илью Муромца за отказ его «сотворить дело любовное»:

Во белом лицы краска переменилась,
Как змея да расшипелась.

Самый эпизод встречи ее с Ильей Муромцем значительно более усложнен по сравнению с ранней редакцией и насыщен

психологическими деталями. То же видно и во многих других ее былинах.¹

Наряду с психологизацией, следует отметить еще тенденцию к внедрению реально-бытовых подробностей. Они часто приводят к сильному опрощению образов и приближают их к окружающей крестьян обстановке. В былине «Василий и Софья» героиня обшивает и обстирывает Василия – «Одежу-то ему всю шила и мыла»;² из города приходят смотреть на чудо – исцеление Ильи-сидня;³ Илья Муромец, чтобы добыть коня, идет «на рыночек»;⁴ князь Роман (былина «Роман и Настасья») посылает дочь искать мать «в баньку», затем «в погреб», куда мать якобы пошла «за репой».⁵ В той же былине мать с

¹ Григ., II, № 86, стр. 443.

¹ См. указание на это в моих статьях «К новым записям былин в Поморье» («Советский фольклор», № 2–3) и «Беломорская сказительница М. С. Крюкова» («Советский фольклор», № 6).

² Вариант М. К. Пашовой из Заонежья. Запись 1932 г.

³ «Былины Севера», I, стр. 501.

⁴ Вариант И. Г. Чванова из Заонежья. Запись 1932 г.

⁵ Вариант А. М. Черноусовой с Пинги. Запись 1927 г.

вечера дает дочери наставление встать пораньше и «подпахать» избушку; когда Дунай входит к Апраксии, она от испугу «под лавоцку она да пихаласи»;⁶ княгиня Апраксия стелет остановившимся у нее на ночлег каликам на полу «перинушки», а сама ложится на печку;⁷ дочь, собираясь к матери в гости, печет для нее «гостинчики»;⁸ то же у М. С. Крюковой: когда Рында (былина «Гарвес») собирается в путь, его жена Флорида печет ему «подорожнички», накладывает «во сумочки, во котомочки»;⁹ оценщики, приехав во владения Дюка, встречают женщин, идущих с работы, спрашивают, не в «обозе» ли матушка Дюка;¹⁰ дочери Соловья-разбойника бегут навстречу Илье Муромцу, вооруженные предметами кухонного обихода;¹¹ Илья пришедшим к нему странникам дает напиток не вина, а квасу.¹² Интересны реалистические истолкования образа, подобные следующему осмыслению масти чудесного коня в мезенском варианте побывальщины об Илье Муромце: «Хвост-грива была у его белая (долго стоял, верно, побелел)».¹³

80

Некоторые из реально-бытовых подробностей, взятые из современного крестьянам-исполнителям быта, из современной обстановки, резко модернизируют образ. В былине Ф. В. Поздякова с Мезени «Иван Гоудинович» король Вахрамеевич говорит уезжающему богатырю: «Ты пошто, Иван да сын Гордѣновиц, ты хоть чаю-то напилса, да тогда поехал бы».¹ В былине Н. С. Богдановой о Соломане-царе к виселице приставляется «стремянка», а сам Соломан, явившись в дом к Василию Окуловичу, имеет при себе «паспорт» с отметкой, что он «нищий».² Также у И. Г. Чванова князь Владимир велит богатырям спросить у Ильи Муромца «ево документы».³ «Паспорта» фигурируют и в ряде записей XIX в.: князь Владимир, например, в водлозерских вариантах былины о Добрыне и Алеше угрожает издать приказ о выселении «удовок беспашпортных».⁴ В одной из самых последних записей с Печоры (1942 г.) находим интересный случай модернизации образа «распутья», «росстаней»:

Стоят да три столбика дубовые,
На столбике дощечки приколочены,
На дощечках надписи надписаны.⁵

У Филиппа Гольчикова в его побывальщине о Василии Буслаеве (запись 1928 г.), вместо обычного «носада» или «корабля», фигурирует «пароход»,⁶ в печорском варианте былины о Садко (запись 1929 г.) упоминаются «паровы машинушки».⁷ У Е. В. Сурикова Василий Буслаев, отправляясь на бой, надевает, вместо «колпака» (как в былине матери – Домны Суриковой) «шляпу».⁸ Илья Муромец, чтобы дать напиток каликам, спускается в «ренски погреб».⁹ Так понятия и представления более позднего времени, иногда и современные, приводя к переосмыслению образа, модернизируют самую лексику

⁶ «Былины Севера», I, стр. 283.

⁷ Напр., Григ., II, № 3 (215).

⁸ Вариант Н. Т. Зиновьевой из Заонежья и др. записи 1932 г.

⁹ «Советский фольклор» № 2–3, стр. 129.

¹⁰ Вариант А. М. Никоновой с Пудожского побережья, запись 1932 г.

¹¹ «Былины Севера», I, № 95, стр. 521.

¹² «Былины Пудожского края», стр. 269.

¹³ «Былины Севера», I, стр. 453.

¹ «Былины Севера», I, стр. 301.

² Запись 1932 г.

³ Запись 1932 г.

⁴ См., напр., Гильф., III, № 206.

⁵ В. Базанов, Поэзия Печоры, стр. 15.

⁶ «Былины Севера», I, стр. 343.

⁷ Там же, стр. 512.

⁸ «Былины Севера», II, № 102.

⁹ «Былины Севера», I, стр. 499.

Отмеченный процесс – внедрение реально-психологических и реально-бытовых черт чаще всего касается лишь отдельных былинных образов, соответственно изменяя их характер. Вместе с тем, бывают случаи, когда процесс охватывает всю систему образов, и тогда вся былина в целом меняет свой общий колорит. Это мы видим, например, у пудожского сказителя П. Н. Журавлева, былина которого о Добрыне и Алеше выделяется своей реалистичностью, простым крестьянским колоритом, эмоциональной насыщенностью своих образов.¹

Из былины совершенно выключается князь Владимир, и вся история «неудачной женитьбы» Алеши Поповича на жене Добрыни переосмысливается как бытовой случай из крестьянской жизни. Добрыня уходит на войну, когда неприятель нападает на Киев и «начали собираться все солдатики». Приехавший с войны на побывку Алеша Попович идет к Настасье Микуличне на «беседушку» и здесь сообщает ей о гибели ее мужа. Характерно изменен самый образ убитого богатыря:

Мой-то братец Добрынюшка Микитиниць,
Он убит да во чистом поли,
Он лежит да под ракиновым кусточком;
Волоса его от солнца погоревши,
Глаза ясны у ворон да поклёвавши,
Тело бело от косьёв да всё отпавши.²

Получив в своем сватовстве отказ, Алеша Попович возвращается «на позицию», затем снова приезжает на побывку – «в свою сторону он на родину, он на родину да к отцу, к матери», снова идет «во хату да во теплую» «на беседушку»,

и эпизод извещения о гибели Добрыни и сватовство Алеши повторяются. Настасья Микулична спрашивает совета у своей свекрови. Та обрисовывает горькую вдовью долю:

«Росытила я сынка единово да единёшенькова,
И всего горюшка я да притерпелась,
Всякой славушки я да принаслушалась, –
Хоть ты замуж поди, а хоть вдовой живи».¹

¹⁰ Мы ограничиваемся лишь несколькими иллюстрациями, поскольку данное явление не раз указывалось и описывалось. Процесс модернизации характерен для жизни фольклора вообще. В эпосе он обнаруживается и в самых ранних записях, но заметно усиливается к нашему времени. Иногда модернизированный образ оказывается в резком несоответствии с общим строем былины, что говорит уже об известной потере чувства стиля. У хороших сказителей такого болезненного разрыва обычно не наблюдается.

¹ «Былины Пудожского края», № 64.

² Ср. с этим классический традиционный образ:

Он убит лежит да во чистом поли:
Буйна голова его испроломана,
Могучи плеча да испростреляны,
Головой лежит да в част ракинов куст.
(Гильф.. II, № 149).

и л и: А й побит Добрынюшка в чистом поли,
Пороспластаны его да груди белыи.
Да и повынято его сердце со печеней,
Поотрублена ему буйна головушка,
А й брошен Добрыня за ракинов куст.
(Гильф, II, № 80).

¹ «Былины Пудожского края», стр. 422.

Узнав от коня про неблагополучие в своей семье (традиционный мотив), Добрыня возвращается домой, идет, как обычно, в виде гусяра на свадьбу, кланяется родителям Алешу Поповича (заменившим традиционных князя Владимира и Апраксию) – «хозяину» и «хозяюшке». Настасья Микулична просит у «названного родного татеньки» разрешения поднести гусяру чарочку. После сцены узнавания Добрыня «охаживает» Алешу «шлечкой», затем–

Захватил он жену свою Настасью свет Микулицьну,
И отправились оны домой в свои спальни тёплы.²

Исследователь, желающий видеть в сохранившихся текстах обязательно образы и ситуации первоначальных редакций, несомненно определил бы данный вариант как «искажение», «порчу». Мы же видим в нем творческое переоформление сюжета и вполне согласны с оценкой Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова, которые пишут, что «простота, душевность, эмоциональная насыщенность образов наряду с четкостью поэтической формы составляют художественные достоинства данного варианта».³

11.

Близки к указанной категории явлений по своей функции и те изменения, которые совершались под воздействием чисто местной обстановки – местных исторических условий, местного быта, природы, верований. Внедрение местных мотивов в оформление отдельных эпизодов, использование черт местной природы в былинных пейзажах, переосмысление образа в духе окружающей

83

обстановки тоже делали все былинное повествование ближе, понятнее, жизненнее, они сообщали ему локальный колорит.

Роль местных элементов в развитии и в варьировании эпического образа в позднейшем былинном творчестве несомненно значительна. Она почти не изучена. Специальных работ по данному вопросу до последнего времени не было. Лишь по обзорным статьям собирателей, рисующим общее состояние былинной традиции на местах, разбросаны отдельные наблюдения в этой области. Больше всего их у А. В. Маркова,¹ вообще с особым вниманием и интересом относившегося ко всяким проявлениям позднейшего творчества в эпосе. В последние годы опубликована интересная статья Р. Липец «Местные мотивы в былинне о Садко»,² в которой автор прослеживает во всех вариантах этой былины отражение северного промыслового и морского быта в его различных местных формах.

Вопрос во всем его объеме требует специального и тщательного исследования. В настоящей работе лишь суммированы наблюдения, сделанные другими собирателями, а также лично мною, с целью представить главные проявления данного процесса.

Выше мы видели, что ряд реально-бытовых черт заимствуется непосредственно из окружающей крестьян обстановки. Некоторые из них являются специфической принадлежностью именно северного быта. Таковы, например, изображения средств и способов передвижения. Так фигурируют в некоторых вариантах сани при езде летом, что как раз характерно для северных, особенно приморских местностей, где для проезда по каменистым и топким местам употребляют летом не телеги, а сани.

В одном из кемских вариантов былины «Казарин» герой найденную им сестру

² На особый характер данного варианте было обращено внимание составителями книги «Былины Пудожского края» Г. Н. Париловой и А. Д. Соймоновым, которые и отметили соответствующие черты его в комментариях. См. названную работу, стр. 501.

³ «Былины Пудожского края», стр. 501.

¹ В статье «Былинная традиция на Зимнем берегу Белого моря» – сборн. «Беломорские былины», М. 1901.

² «Былины М. С. Крюковой», т. II.

«положил в сани».³ В былине Крюковой о сватовстве Идолица к племяннице князя Владимира Идолице, собираясь в путь, говорит: «Я в сани сажусь-то к тебе я всё, Владимир-князь».⁴ В обоих случаях поездка происходит летом. Также характерен проезд по бездорожьям Мезени и Печоры вдвоем на коне, причем в случае, если

84

едут мужчина с женщиной, последняя садится на круп коня. И вот в мезенской былине «Дунай», записанной от В. Ф. Иванова, «сажал Дунаюшко Опраксею-королевичню на добра коня назад себе».¹ В прионежских вариантах былины о братьях-разбойниках и сестре муж и жена, садясь в лодку, распределяют функции в лодке так: муж на корме, сама «на веселушках», как обычно в жизненной практике северян.² В былине «Рахта Рагнозерский» герой спешит, в Москву на лыжах: «Рахта тут на лыжи ставится».³ Кострюк бежит по деревянным мосткам, – «а мостины-то все да зыблются».⁴ Деревянные мосты, или «мостики» вообще часто встречаются в северных былинах. Они противопоставляются, как лучший путь, предохраняющий от уличной грязи, кирпичным и каменным «мостикам». Мотив этот особенно созвучен Северу, в частности болотистому Поморью и, возможно, возник здесь.

Марков указывает на отражение одной очень характерной для Поморья черты домашней обстановки в былинах Зимней Золотицы: когда богатырь подъезжает к дому, находящееся там лицо «отпирает окошечко немножечка».⁵ Марков указывает на обычай в Поморье привязывать окна шнурком, чтобы их не разбило сильным морским ветром, вследствие чего их можно лишь приотворять.⁶ В северных былинах часто встречаемся с местными чертами и местной терминологией в описании одежды, домашней и хозяйственной обстановки и быта. В былине о Чуриле сказителя Фофанова⁷ «шубонька висит его на грядочки, а лапотки его тут на лежаночки, рукавички барановы «на лавочки». П. Н. Коренная помещает в былине «Птицы» ворону на «зароды», так называются в Заонежье особые сооружения для просушки сена и хлебных снопов – ряд деревянных перекладин меж двух высоких столбов. В беломорских былинах постоянно встречается слово «кухарка» для обозначения служанки вообще, как это имело место и в повседневном быту Зимнего берега в XIX и начале XX вв.⁸

Встречаются в былинах и отражения традиционного обрядового быта, с соответствующей северной терминологией. Упоминаются

85

свадебные чины – тысяцкий и др., невесту называют «заручевою».¹ В былине «Идолице сватается за племянницу князя Владимира» после того, как князь соглашается на брак, он посылает Добрыню с другим богатырем звать девушек к Марфе Дмитриевне на «девью плачь»,² и далее изображается самый обряд:

А как не бела тут на заводи бела лебедь воскикала,

³ Вариант К. Редкиной из дер. Калгалакша, запись 1935 г. И. Н. Этиной. Рукописн. хранил. отд. фольклора, колл. 57.

⁴ Марк., № 49, стр. 248.

¹ «Былины Севера», I, № 46, стр. 328.

² См. Рыбн., Гильф. и мое собрание 1926–1932 гг. Рукописн. хранил. отд. фольклора, колл. № 2, 26 и 27.

³ Гильф., № 11.

⁴ Там же, № 24.

⁵ Напр., Марков, стр. 365 и 537.

⁶ Марк., стр. 22.

⁷ «Былины Пудожского края», № 27.

⁸ Указание Маркова, «Беломорские былины», стр. 22.

¹ Марк., стр. 67.

² Там же, стр. 426.

А как слезно Марфа Дмитревна восплакала;
Тут заплакали да слезно красны девицы,
А да тут пушше заплакали по ей молоды вдовы,
Ишше пушше тут заплачуть жоны мужния.
А да как отплакали тут да красны девицы,
А пошла у Владимира свадьба навесели...³

В другом варианте на тот же сюжет Марфа Митрѣвна просит князя Владимира, чтобы тот упросил Идолице дать ей недельный срок:

«Посидеть мне-ка с подружками с любимыма,
Посидеть-то мне-ка всё, да красной девицы,
Мне поплакать-то при их-то, красной девицы.»⁴

Все это обычно лишь отдельные штрихи, отдельные детали. Но иногда местная тема более глубоко проникает в былинное творчество, охватывая многие произведения. Такова, например, тема моря в беломорской традиции. Еще Марков писал о былинах Зимней Золотицы: «Прежде всего в сказителях сейчас же видно приморских жителей, прекрасно знакомых с мореплаванием и интересующихся всем, что касается моря».⁵ Действительно, во многих былинах, записанных в Зимней Золотице, с особой тщательностью и своеобразными деталями разработаны картины морского плавания. Рассказывается, как корабли отплывают от берега, как они подхвачены «способной поветерью», т. е. попутным ветром, как затем «падает погодушка», бурей мечет корабли в разные стороны, пока их не заносит в чужеземную гавань. Подробно описываются причаливание к берегу и отчаливание от него, внутренность корабля, его груз, упоминаются постоянно, кроме корабельщиков (капитанов), матросы, иногда и водолазы.⁶

86

Все подробности обычно навеяны чертами северного морского быта и непосредственными впечатлениями морских походов. Р. Липец указывает, например, что упоминание о морских судах в былинах «часто связано с реальными, современными сказителю типами судов».¹ «Само слово «корабль» на севере, – пишет она, – относилось к определенному типу трехмачтового морского судна; поэтому в беломорском варианте А. М. Крюковой и говорится:

Ище много ведь погибло черных караблей,
И того больше погибло всё мелких судов».²

Очень колоритно передано, как начинает «пошевевливаться» корабль, когда «припадет с моря погодушка», как перекатываются белые гребни волн, «будто белы лебеди только злятываются», как начинает скрываться из глаз «родима своя-то да мила сторона».³ Когда в былинах М. С. Крюковой о Глебе Володьевиче нагружают корабли товаром, корабельщики боятся перегрузить их ввиду возможной бури:

А и забоялись боле брать товару разного,
А и вот разного товару иностранного,
А и убоялись, как пойдут три погодушки,
Не разливало, шобы волной, братцы, на палубу.⁴

³ Там же, стр. 427.

⁴ Там же, стр. 246.

⁵ Там же, стр. 19.

⁶ См. более подробно у Маркова, стр. 20.

¹ «Былины М. С. Крюковой», II, стр. 735.

² Там же.

³ Марк., стр. 121–122.

⁴ Моя запись 1937 г. Рукописн. хранил. отд. фольклора, колл. 90.

Тема моря и морских плаваний проникает в беломорской традиции и в былины, где она органически с сюжетом не связана. Так Бадан Баданович совершает нашествие на Киев на «черненых больших караблях», «плывя из-за синёго моря, из-за Черного».⁵ Сын Ильи Муромца Подсокольник захватывает «чёрны карабли» князя Владимира и полонит «матросицьков он да всех корабельшицьков».⁶ М. С. Крюкова среди гостей, присутствующих на пиру у князя Владимира, неизменно называет еще «корабельшицьков со матросиками», которые похваляются «дальним морским плаванием».⁷

87

Наоборот, в прионежских вариантах место действия с «синя моря» переносится часто на «Онегушко страховитое», «шумяче-гремяче Онегушко»;¹ аналогично этому в своей былине о Вольге И. И. Касьянов «глубокие моря», в которых Вольга ходит щукой-рыбою,² заменяет также «глубокими озерами»,³ а изображая в традиционных чертах скачку богатыря, прионежские сказители вносят характерный для их родного края штрих: «... А мелки озерки промеж ног пускал».

Вообще осмысление образа в духе окружающей природной обстановки обычно в северных былинах. Правда, самый пейзаж в былине дается скупо, отдельными сжатыми набросками, но в него постоянно вводятся черты родной северной природы. Не раз упоминаются в северных былинах «мхи-болота» и «щелья-каменя» – характерный северный ландшафт:

Мхи да болота в Поморской стороне,
Щелья-каменя Подсеверной страны.⁴

В плаче сестры Алеши Поповича, захваченной в плен татарами (золотицкий вариант 1901 г.), рисуется следующая картина, характерная для Севера, в частности для Поморья:

Ты куды, талань, у мня девалася?
Ты во темном лесу ли, в леси заблудиласе,
Во жидких ли мхах где, во болотах-то,
Во преглубистых тихих озёрах-то?⁵

Илья Муромец со Святогором ездят по «щелейкам».⁶ М. С. Крюкова, используя в былине известную поговорку «жизнь прожить – не поле перейти», восполняет ее местным природным штрихом:

Не поле чистое перейти нужно,
*Не болота ти объехати.*⁷

Аналогичные случаи подмечает и Марков, указывающий такие же сочетания традиционного, но чуждого северянину

88

образа с чертами родной природы. «Вследствие того, что северный сказитель, – пишет

⁵ Марк., стр. 45.

⁶ Там же, стр. 58–59.

⁷ В мезенских вариантах тема моря проникает и в былинку о змеборстве Добрыни: купанье богатыря пувисходит не в Пучай-реке, а на море. Очевидно, это произошло в силу забвения древнего мотива и под влиянием постоянных уходов мезенцев на промысел именно к морю.

¹ Былина о братьях-разбойниках и сестре.

² Гильф., № 73.

³ Запись 1926 г. См. Н. П. Андреев, Русский фольклор, Хрестоматия, 2-е изд., 1938, стр. 167.

⁴ Гильф., № 68, см. еще № 60.

⁵ Марк., стр. 332.

⁶ Гильф., № 1.

⁷ Былина «Марута Богуслаевна», моя запись 1937 г. Рукописн. хранил. отд. фольклора.

он, – никак не может представить себе совершенно «чистое» поле, без деревьев, является сравнение: «Не лесина в чистом поле шатается», богатырь едет по «чистому полю», но оно наполнено валежником, как и всякий северный лес: «Сухо пеньице, кореньице поломалося» (№ 14). Так как сказитель не имеет ни малейшего представления о степи, то немудрено, если он поет о «степных лесах Саратовых».¹

Иногда сказитель совершенно заменяет традиционный образ новым в соответствии с окружающей природой. Так, в символическом изображении склоняющегося перед родителями богатыря «сырой дуб» начинает заменяться более говорящей северному крестьянину «белой березкой».² Более же созвучный образ сказитель лишь несколько видоизменяет в направлении еще большей близости к родному пейзажу. Это мы видим, например, у того же И. И. Касьянова, который изображение работы пахаря – «А большие-то каменья в борозду валит» – перефразирует так: «А крупные каменья в кучи кладет».³ Образ этот навеян картиной родных карельских полей с камнями, сложенными в кучи или заборы.

Замечателен также запев северо-восточных вариантов былины о Чуриле, дающий характерный штрих северной суровой природы:

Ай о вёшном было праздницьки во Троици,
Нападала пороха снегу белого.⁴

Нападала пороха снегу белого,
Да не во пору порошиця, не во-время,
Да серёдка ле лета о Петрова дни.⁵

Очень заметно отразился в северной былине местный промысловый быт – зверобойный и рыболовный. Неизменными

89

участниками пиров князя Владимира в былинах М. С. Крюковой являются наравне с черными пахарями, рассказывающими о труде «горячем, кровавом», еще и рыболовы, хвастающиеся «ловлей рыбной». Местный характер образа рыболовов с «дальних рек и морей» подчеркивает сама сказительница в одной из своих ремарок: «Вот как у нас сидят у моря, промышляют семгу». Так Крюкова развертывает эпизод «похвальбы» на пиру, вводя в него новые детали, почерпнутые из окружающей сказительницу реальной бытовой обстановки. Отметим, вслед за Марковым, следующие сравнения, явно показывающие в их авторах рыболова:

Ишше мастёр был Добрынюшка нырком ходить,
Он нырком мастёр ходить, да по-сёмужью.¹

Как налим-то круг ведь камешка всё овивастьце,
Как Василей Богославьевич к матушки ведь всё он

¹ Марк., стр. 21.

² См. напр., вариант Е. В. Сурикова, Рукоп. Хранил. отд. фольклора, коллекция № 26, «Былины Севера», II, № 10; «Былины М. С. Крюковой», I, стр. 272.

³ Н. П. Андреев, Русский фольклор, хрестоматия, М., 1938, стр. 167.

⁴ Марк., стр. 465, см. еще стр. 520.

⁵ «Былины Севера», I, стр. 363, см. еще стр. 149, 208, 436, 530, ср. с приведенными запевами кенозерский:

Супротив праздника велика дни
Накануне было благовещенья,
Выпала пороха, снежок молодой.
(Гильф., III, № 309, см. еще № 224).

¹ Марк., № 5.

В некоторых былинах, как это показано Р. Липец, отразились даже своеобразные особенности рыболовства разных районов. В варианте былины «Садко», записанном В. П. Чужимовым в 1934 г. от Марфы Крюковой, герой после удачной ловли едет за рыбой «на трех конях», как возят, по словам исследователя, в Беломорье рыбу с теней на подледном лове – «на Зимний берег возили обозами навагу за сотни километров от Канинского полуострова».³ В другом варианте «Садко» от той же Крюковой⁴ Липец отмечает отражение обычая удильщиков складывать улов в особые берестяные котомки: Садко идет на Илемин-озеро с котомкой и «подорожниками» удить рыбу. Когда же «поудил Садко да рыбы разную, он наклал себе суночку-котомочку».

Интересы крестьянина-рыболова ярко проявились в былине «Рахта Рагнозерский», в которой герой в награду за свой подвиг испрашивает рыболовецкие привилегии:

«Что ль на нашем было на озерушке
Не ловили да мелкою там рыбушки
А без нашего да дозволеньица».¹

Эстетическое восприятие промысла видим в следующем описании:

Елемин-озеро сколыбалосе,
Разыгралась рыба да на солнышке,
Тут Садко да любовался всё,
Напопадало в нёвод, да чуть мог он
выташшить.²

Отразился в былинах и зверобойный промысел. Характерное переоформление эпизода находим в одном из беломорских вариантов на сюжет Даниила Ловчанина.³ Кабан, «страшное зверишпо ваканишпо», которого, по поручению князя Владимира, должен убить герой, живет в море. Герой едет на остров Буян, расстанавливает у берегов «шолков невод» и таким способом излавливает и убивает зверя – явные отзвуки тюленьего или моржового промысла. В былине о Кострюке (Марк., № 106) тяжесть богатырской шляпы, которую надевает сестра Кострюка, объясняется тем, что «ей подделали в шляпу ведь кутило», т. е. орудие, которым убивают крупных морских зверей.⁴

В былинах обнаруживаются, также следы и охотничьего промысла. В ряде былин герои встречаются в лесу с «полесниками» (охотниками),⁵ упоминаются какие-то строения, «избушки» в лесу и на морском берегу – явно промысловые избы⁶ и т. п. Наконец, в былинах оставил след и северный жемчужовый промысел в замене традиционного образа

² Там же, № 52. Образ восходит к соответствующему месту былины сборника Кирши Данилова, № 18, которое, очевидно, и было непосредственным его источником. Вот это место: Василий Буслаевич приходит к своей матери:

Как вьюн около ее убивается,
Просит благословение великое.

Мы видим здесь чрезвычайно характерное для изучаемого процесса изменение. О связи былины Крюковой с текстом сборн. Кирши Данилова см. в главе VI.

³ Р. С. Липец, Местные мотивы в былине о Садко, «Былины М. С. Крюковой», II, стр. 732.

⁴ «Былины М. С. Крюковой», II, № 78, стр. 181.

¹ Гильф, № 11. См. вариации этого мотива в книге «Былины Пудожского края» №№ 41 и 42.

² «Былины М. С. Крюковой», II, стр. 183–184.

³ Марк., № 48.

⁴ Указание А. В. Маркова – «Беломорские былины», стр. 21.

⁵ См., напр., Марк., № 18.

⁶ Там же, см. еще Марк.-Богосл., I, № 8.

«скатного жемчуга» – «мелкими жемчугами».

Иногда наблюдаются и отзвуки специфических местных исторических условий. Так, Садко в одном из печорских вариантов⁷ после своего спасения покупает старообрядческих икон

91

и выписывает попов из Чернигова – мотив, характерный для старой Печоры, где сильно было старообрядчество. В кулонских былинах, как указывал еще А. Д. Григорьев, не раз упоминаются «монастырские богатые», «монастырская казна» и т. п. Крестьяне деревень Сояны и Долгой Щели по р. Кулою были раньше монастырскими крестьянами,¹ и воспоминания об этом и преломились в былинах. В одном из вариантов былины о Васкепьянице и Кудреванке-царе, Добрыня, например, беря на пиру слово, обращается с традиционной просьбой к князю:

«Не садить же миня во темны погребы»

и прибавляет:

«Не закладывать же миня во крепости
да маластырские».²

Интересный случай уже полного переоформления эпизода под влиянием местной исторической обстановки можно видеть в выгозерской записи былины о Садко.³ В этом варианте Садко бросается в море, спасаясь от погони новгородского князя, а не в результате выпавшего ему жребия, как обычно. «Это основано, – пишет Липец, – повидимому, на особенностях истории Выгозера: именно там находились знаменитые выгозерские старообрядческие скиты, один из центров старообрядчества на Севере, где в непроходимых лесах и топях люди скрывались от правительственных религиозных преследований; разрушение выгозерских скитов при Николае I отличалось особой жестокостью и сопровождалось отчаянным сопротивлением старообрядцев. Именно на Выгозере, где не так давно находились эти скиты и влияние их было еще не изжито ко времени записи былины о Садко, сказитель закономерно мог ввести в былинку мотив преследований и самоубийства».⁴

Наконец, некоторый локальный характер приобретают былинные образы и вследствие внесения местной географической номенклатуры. В вариантах, записанных в Олонецком крае, Дюк Степанович выезжает из «Индеюшки богатой» и из «Карелы», в них упоминается, как мы уже видели, «Онегушко». В одном беломорском варианте поганое Идолище приходит на своих кораблях «из-за синего моря, из-за Карьского».

92

В записи былины «Садко» 1934 г. от М. С. Крюковой разыгрывается «беломорская погодушка» и т. д.

Приведенный материал представляет лишь отдельные образцы различных случаев воздействия чисто местных условий и обстановки на былинные образы; он показывает, что именно оказывало воздействие. Вместе с тем, он дает и примеры разного функционального значения местных элементов в развитии и изменениях образа.

Чаще всего местный материал служит для фона, на котором развивается действие. В случае, если усвоенный традиционный фон, органически связанный с самим сюжетом, созвучен данному краю, как, например, были созвучны Поморью образы моря и морских походов в былинах о царе Соломане, о Соловье Будимировиче, о Садко, о Глебе Володьевиче и др., мы наблюдаем часто тщательную разработку усвоенного, дальнейшее

⁷ «Былины Севера», I, № 94, стр. 513.

¹ А именно крестьянами Сийского монастыря, стоящего на реке Сии, левом притоке Северной Двины.

² Григ., II, № 2 (214).

³ Гильф., № 174.

⁴ «Былины М. С. Крюковой», II, стр. 724.

развитие этих образов с помощью включения чисто местных деталей и личных впечатлений в традиционную картину. Благодаря этому, традиционный образ становится свежим и жизненным, отвечающим пониманию, чувствам и эстетическому восприятию слушателя.¹

Если же заимствованный образ фона резко противоречит окружающей обстановке, то или происходит полная замена его новым, подсказанным местным материалом, или в него вносятся дополнительные штрихи, которые обновляют образ и в большей или меньшей мере приближают к восприятию новой среды. Оба случая мы видели выше в ряде приведенных примеров. Такому приближению еще более способствуют ремарки самих сказителей, вроде «как у нас тут» и т.п. Эти ремарки показывают естественную потребность сказителя к объединению эпических образов с местным, хорошо известным и близким материалом, к объяснению первых вторым. Та же потребность приводит к использованию чисто местных элементов в образах сравнений. Таков, например, как мы видели, образ Добрыни, ныряющего *по-сёмужьби*, или ироническая оценка Домной наружности нелюбимого ею князя Дмитрия: «У него кудри жоги заонежския»² в варианте А. С. Никитиной из Сумского посада (запись 1932 г.) и др. Подобные сравнения на местном материале

93

представляют для местного слушателя яркие зрительные образы.

Местный материал вторгается и в самое повествование, помогая изображать действия былинных персонажей в привычных формах местного быта. Это делает более близкими и понятными и самих героев былинного повествования. Хорошо знаком северянину нарисованный Марфой Крюковой образ Садко, отправляющегося на рыбную ловлю с его «сумочкой-котомочкой» и взятыми для еды «подорожниками». Так же близка и знакома обреченная на замужество с Идолицем Марфа Дмитриевна, совершающая свою «девью плачь».

Включение в образ дополнительных деталей расширяет его, делает богаче. Так разворачивается, например, у Марфы Коюковой эпизод похвалы на пиру включением новых участников, заимствованных из окружающей среды. Наконец, может произойти под воздействием местного материала и полное изменение эпизода, перестройка определенной сюжетной ситуации. Подобные случаи еще мало вскрыты исследованием.

А. В. Марков, приведя ряд примеров включения в былины, записанные им в Зимней Золотице, местных мотивов, говорит: «Таким образом, на старых былинах, зашедших с юга на Белое море, видна печать довольно сильной северной переработки, совершившейся путем применения традиционных рассказов к местной обстановке и местным интересам. Это указывает на свежесть и жизненность былинной традиции на Белом море. Былины не сошли еще здесь на степень мертвых обломков прошлого».¹

То же можно сказать и о других районах бытования былин, где наблюдается тот же процесс. И несомненно, положение о жизненности эпической традиции на протяжении последних веков вплоть до наших дней поддерживается также и всей многообразной творческой работой в области развития и варьирования былинных образов, которую я пыталась обрисовать.

¹ Особенно много примеров такого приближения традиционных образов к местным представлениям дает нам творчество Марфы Крюковой, исключительного мастера описаний, с ее глубокой и нежной любовью к родному Северу, его природе, обычаям и проч.

² Жога – местная порода совы с сильно нависшими лохматыми бровями.

¹ Марк., стр. 22.